

Андрей Посняков

РАЗЯЩИЙ КЛИНОК

Андрей Анатольевич Посняков

Разящий клинок

Серия «Гусар», книга 2

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41172875

Андрей Посняков. Гусар: Разящий клинок: Издательство АСТ;

Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-113140-1

Аннотация

Наш современник по чьей-то злой воле оказался в прошлом, угодив в тело гусара и поэта Дениса Давыдова. Сам Кутузов, главнокомандующий русской армией, благословил полковника Дениса Давыдова на партизанскую войну, придав ему отряд ахтырских гусар и казаков. Засады, лихие налеты ахтырцев, захваты французских обозов, отступающих с богатой добычей по Смоленской дороге... Однако в окружении гусара находятся люди, готовые предать его за деньги, за идею... Или, может быть, из зависти?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Андрей Посняков

Гусар: Разящий клинок

© Андрей Посняков, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава 1

Уланы вылетели наметом! Синей всесокрушающей лавою. Выскочили из реденького лесочка, понеслись, молодецки поигрывая пиками. Играли на синих рейтузах алые широкие лампасы, покачивались на всем скаку четырехугольные уланские шапки. Яростно крича, уланы летели в бой. Вот уже кто-то не выдержал, метнул пикю, послышались выстрелы, крики, свист...

– Эй, молодцы-ахтырцы! К бою! – обернувшись в седле, подполковник Давыдов подмигнул своим гусарам и, поправив на плече коричневый, с желтыми витыми шнурами, ментик, выхватил из ножен саблю.

Уланы, конечно, не кирасиры... Легкая кавалерия, только вот кони у них куда выносливее гусарских, в гусарские-то полки лошадей больше по красоте да изяществу подбирают... в уланах – не так. Да и много вражин-то, куда больше числом потрепанных непрерывными боями ахтырцев.

Призывно запела труба. Колыхнулись коричневые ряды, взметнулось над киверами знамя, грозно вскинулись штуцеры и пистолеты.

– Не стрелять, – на скаку предупредил подполковник. – Ближе подпустим.

– Подпустим, Денис Васильевич! – скачущий рядом поручик ухмыльнулся и азартно сверкнул глазами. – Покажем

врагам, ужо! Ах ты ж... ну и рожи! Это что же. Так это татары, что ли?

– Не татары – поляки, – усмехнулся Денис. – Наполеон же обещал возродить Великую Польшу! Так что биться будут от души. Вы уж держитесь, братцы!

– Есть держаться, господин подполковник!

Выстроившись полукругом, вражеские кавалеристы огибали заливной луг, тянувшийся до самой реки, что блестела за ольховыми зарослями и раkitой. Кабы знать, так можно было там заранее устроить засаду... Кабы знать... Хотя, верно, и нынче не поздно! Попытка не пытка, ага.

– Корнет! – придержав лошадь, Давыдов подозвал вестового.

Подскочил, вытянулся в седле юный мальчик в новеньком, но уже изрядно потрепанном ахтырском мундире – тепло-коричневые, с золотом куртки (доломан и ментик), синие, с золоченым шитьем рейтузы-чакчиры. Узкое еще безусое лицо, вряд ли знавшее бритву, карие, восторженно сияющие глаза, темные, с завитками, волосы. Не мальчик, нет – гусар гусаров! В одной руке сабля, в другой – пистолет. Хват! Уж куда грознее.

– Вот что, Коленька, скачите живенько к артиллеристам...

– Но, ваше-бродие... Сейчас же... тут же... битва же!

Ах, как рвалось в бой юное сердце! Обиделся корнет, чего уж... Все в бой, а его в какие-то кусты посылают.

Пришлось прикрикнуть:

– Корнет Розонтов! А ну-ка, исполнять приказ. Живо!

Тут уж ничего не поделать, приказ есть приказ – обидно, да исполнять нужно. Шмыгнул мальчишка носом:

– Слушаюсь, господин подполковник.

Снова вытянулся. Скосил обиженные глаза на улан. Вздохнул да, поворотив коня, поскакал прочь.

– Ну, вот, – Денис усмехнулся в усы. – Так-то лучше будет.

Уланы и гусары, синяя лава и коричнево-золотая, неумолимо приближались друг к другу. Вот-вот столкнутся, схватятся... вот-вот. Летели из-под копыт желтые лютики, ромашки и прочие анютины глазки. Позади гусар блестела река. В выцветшем бледно-синем небе сверкало яростное жаркое солнце.

– А вот теперь и постреляем! – подполковник махнул рукой. – Огонь!

Разом, один за другим, жажнули пистолеты и штуцеры – короткие нарезные ружья. Часть улан повалилась из седел... что нисколько не замедлило атаку. Подумаешь, выстрелы, подумаешь – смерть. *À la guerre comme à la guerre!* – как говорят французы. На войне, как на войне.

Упали пистолеты и штуцеры в седельные кобуры, перезаряжать некогда. Еще какие-то секунды и...

– Ур-ра-а-а-а!

Взметнулись к небу сабли! Опустились со звоном, скрестились, заскрежетали... Началась рубка! Полетели кругом

алые брызги крови, слышались стоны и крики, хрипы коней, ругань, какие-то непонятные вопли – все то, что составляет пьянящую музыку боя.

– Ур-а-а-а!

– Постоим за Россию-матушку!

– Та ще Польска не сгинела, пся крєв!

Звенели сабли. Дрожала земля. Хрипели лошади и люди. Кто-то вылетал из седла и падал, находя гибель под копытами коней... своих или чужих – не важно.

Пригнувшись, Денис проскочил под уланской пикой и ударил врагу снизу вверх, в подбородок рукоятью сабли. Слишком уж близко сошлись, сшиблись... не размахнуться для доброго удара. Впрочем, и так вышло нехудо – правда, не смертельно, но на какое-то время враг из боя вышел, запрокинул голову...

Давыдов не стал его добивать – некогда, – отбиваясь от шальных сабель, маханул по склону холма вверх, к опушке. Он же не просто гусар – командир, надо бы увидеть, оценить остановку.

Выносливый конь вынес подполковника на вершину пологого холма. Денис тотчас осмотрелся – синие и коричневые мундиры хорошо заметны даже в гуще боя. Видно было, что синих гораздо больше, навскидку – раза в три, вот они и теснят давыдовский арьергард, ахтырцев...

Та-ак... что там у нас у речки?

Подполковник обернулся, пристально вглядываясь в оль-

ховник... Что-то сверкнуло там... Показалось? Или просто рыба на излучине играет? Да нет, не рыба... Вон и люди, и лошади... И кто-то скачет прямо сюда, на холм! Прямо летит. Крыльями развевается за плечами коричневый с золотом ментик... Свой! Гусар!

– Коленька!

– Разрешите доложить, господин подполковник! Ваше приказание выполнено...

Сверкнул карими глазами корнет, потупился:

– Денис Васильевич! Теперь разрешите в бой! В схватку...

– В бой, говоришь? А ну-ка, зови сюда трубачей... И красный флажок на пику.

Красный флажок – это был сигнал: скачите за мною. Трубачи же... Трубачи заиграли отход! Отступление.

– Что же это? – водрузив на трофейную пикку флажок, запечалился Коленька. – Мы что же это? Отступаем? Бежим?

Давыдов его не слушал. Тронув коня, помчался по склону холма вниз, к реке... за ним (а куда деваться?) и разобиженный вестовой – корнет Розонтов – с сигнальным флажком, дальше – трубачи, а уж за ним – все остальные. Кто смог... Нагоняя своего командира, неслись прямо ветром! Уланские кони выносливее, а гусарские – быстрее. Понимали – лихой подполковник с такой прытью бежать от врага не станет. Значит – задумал что!

И впрямь задумал. Вот уже совсем рядом заблестела река, вот уже и ольховник, а за ними... за ними – русские пушки!

Все четыре батареи, приданные ахтырскому полку.

Подскочив, Денис вздыбил коня:

– Братцы пушкари, готовы?

– Готовы, ваш-бродь!

– Наших пропустим и...

Летела к реке золотисто-коричневая рать, за ней, преследуя – синяя. Гусары вырвались вперед, но и уланы не слишком-то отставали. Смеялись, орали, улюлюкали! А глаза аж светились от счастья. Это ж надо, так уделали москалей! Бегут, пся крев. Драпают. Так бы и до самой Москвы, а еще лучше – до Санкт-Петербурга. Вот вам разделы Польши! Русские, австрияки да пруссаки Польшу уничтожили, а Наполеон Бонапарт – возродил.

– Niech żyje imperator!

– Императору Наполеону – слава!

Так и орали уланы, так и летели, вне себя от счастья... Не заметили батареи... а когда заметили, так уже поздно было.

– Первая батарея... Пли!

Ахнули пушки. Просвистела над травой картечь.

Вторая батарея... Третья... Четвертая...

Словно какой-то недобрый великан скосил косой неужимую польскую лаву! Вот только что были уланы... все такие из себя грозные, удачливые, веселые... И вот вам!

– Батарея залпом... Пли!

Слабый ветер не сразу уносил дым. Но куда стрелять, ар-

тиллеристы знали точно. Когда ж дым развеялся...

Императорские уланы представляли собой весьма жалкое зрелище!

Большая часть погибла – на поле брани вперемешку лежали и люди, и кони. Те же, кому повезло, чуть помешкав, повернули обратно... понеслись прочь... Кто смог. Очень и очень немногие.

* * *

– C’était merveilleux, monsieur le lieutenant-colonel! – подбрасывая в костер хворост, заходил в восторженном уважении юный корнет Розонтов. – Нет, право же, чудесно! Как вы их... как вы здорово все придумали с этими пушками.

– Ну, полноте, полноте, корнет, – Давыдов нарочито конфузливо кривился, набивая трубку трофейным французским табаком. Набив, вытащил из костра горящую головню, прикурил, пуская клубы дыма.

– Господин подполковник, Денис Васильевич, – не отставал подросток. – А вы, верно, вскорости на эту победу оду напишете? Подобно тому, как генералу Кульневу писали... Ведь напишете же, да?

Денис ухмыльнулся:

– Что ж, может, и напишу... Эх, где же сейчас Кульнев, друг мой славный? Сколь военных верст пройдено с ним... И верст – победных, не нынешних.

Тут все помрачнели. Слишком затянувшееся отступление не приносило радости никому. Узурпатор пер, как бык, упорно и неотвратно. Правда, он так и не смог разбить русские армии в приграничном сражении, но... Но все же отступить было не комильфо! Ладно раньше, в Восточной Пруссии, под Аустерлицем и Фридландом... но здесь, на своей земле! Отдавать на разграбление врагу нивы, города и села... Что-то не то делал главнокомандующий и военный министр Барклай-де-Толли! Что-то не то... То ли это слишком затянувшаяся осторожность, присущая невозмутимому шотландцу, то ли... То ли дело пахло откровенным предательством!

От осознания всего этого не хотелось ни обмывать случившуюся победу, ни петь. Поднявшись на ноги, Денис Васильевич лично обошел караулы, проведаль раненых да отправился спать в походную свою палатку, разбитую расторопный слугою Андрюшкою, верным крепостным парнем, что скитался вместе со своим барином уже далеко не первый год. И под Прейсиш-Эйлау были, и в Тильзите, и в снежной Суоми...

Суоми...

Колдун! Проклятый финский колдун...

Не доходя до палатки, Давыдов присел к догорающему костру, снова раскуривая трубку. Пристрастился к курению, чего уж! Зато пить – особо не пил и – боже упаси – никогда не игрывал в карты.

В темном бархатном небе мерцали холодные звезды. Ку-

сок серебристого месяца, похожий на горбушку ржаного крестьянского хлеба, зацепился за вершину высокой раскидистой липы, запутался в ветках, завис, заливая тусклым светом разбитый гусарский лагерь. Догорающие кострища, стреноженных лошадей, стройные ряды палаток и шалашей.

Палатки... Затянувшись, Денис выпустил дым и прикрыл глаза. Вдруг подумалось – вот сейчас бы услышать гитарный перебор да какую-нибудь туристскую песню... можно про перекаты или про жену французского посла. Или даже – «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»!

Или Визбора... Ибо в теле гусарского подполковника и знаменитого поэта вот уже седьмой год находилась душа его почти полного тезки, тоже Дениса, и тоже Давыдова, только не помещика, не хвата, а... А недоучившегося студента академии полиции, человека двадцать первого века! Дениса... или, как его звали все – Дэна... Просто как-то раз вызывали духов... И душа Дэна вдруг оказалась в теле гусара... А потом и осталась там навсегда, ибо суровый лапландский колдун Кройто отнял и погубил душу истинного гусара. Остался Дэн. Который, правда, теперь знал и умел многое... и многое помнил не своего, к примеру – как и все дворяне, бегло говорил по-французски.

Ах, Кройто, Кройто, чертов колдун. Все бы по-хорошему, кем бы сейчас был Денис в той, прошлой, жизни? Может быть, в РОВД, опером. Уже бы до капитана дослужился... Ну да – двадцать восемь лет, возраст солидный. Или не опером,

а в следственном комитете – старшим следователем. Или... да всякое могло быть! Могло... А он вот здесь, летом 1812 года, командует Ахтырским гусарским полком.

И ведь неплохо, к слову сказать, командует – стыдиться нечего! Если бы вот еще не отступали...

Нельзя сказать, что Дэн не пробовал вернуться обратно. Пробовал. Даже связался с одной лапландской ведьмочкой. Та ему и нагадала – не вернешься, мол, никогда. Поскольку там, в будущем, ты уже есть... или следователь... или опер... или кто-нибудь еще. Наверняка женился уже... впрочем, может, и нет...

Дэн заснул лишь под утро, устав не столько от боя, сколько от нахлынувших мыслей. Утром разбудила труба, а потом был длинный переход под Царево-Займище, и опять отступление, и изнуряющая жара. А вскоре пришло радостное известие: государь-император высочайшим рескриптом назначил нового главнокомандующего: Михаила-Илларионовича Кутузова!

Денис немедленно помчался в штаб второй армии. И во время – светлейший князь Кутузов как раз проводил войсковой смотр, на котором присутствовали многие прославленные – и не очень – генералы. Давыдов узнал самоуверенного наглеца Беннигсена и чем-то похожего на бульдога Толя. Долговязый Барклай невозмутимо держался чуть позади всех, рядом же с ним Денис, к радости своей, заметил князя

Петра Ивановича Багратиона и румяного генерала Ермолова, двоюродного своего брата.

К нему-то и подскочил Давыдов, как всегда – «в ожидании новостей».

Ермолов расхохотался:

– Да новости все ты уже видел! Приехал Кутузов...

– Бить французов! – немедленно скаламбурил молодой человек.

Тем не менее и при новом главнокомандующем армия продолжала отступать. Давыдов на привалах раздумывал, пыхтя неизменной своей трубкой, что-то прикидывал, рассчитывал, вспоминал...

И, кое-что удумав, напросился-таки на аудиенцию к бывшему своему командиру князю Багратиону.

Прославленный военачальник встретил гостя с радостью:

– Ах, Денис, Денис! Жаль, нынче ты не у меня в адъютантах... Понимаю – сам командиром стал! Подполковник, ишь ты... Лихо ты улан, лихо! Чего пришел-то? Вижу, вижу – глаза хитрые. Небось, задумал что.

– Задумал, Петр Иванович, – скромно потупился гусар. – Правда, не я это все придумал... Испанцы еще – герильяс... или вот Барклай тоже отправлял «партии».

– Герильяс, говоришь? – князь настороженно почесал длинный свой нос. – Партии? А ну-ка, давай, рассказывай!

Идея эта – тревожить растянувшиеся коммуникации врага лихими налетами партизан – естественно, Денису не принадлежала, а была многократно использована и до него. Тут можно было вспомнить и Великую Отечественную, и Вьетнам, и уже упомянутых испанских «герильяс». С этим все было понятно, только вот Давыдов как-то не видел себя в качестве партизанского командира. Не видел... до встречи с одной девушкой.

Это случилось возле небольшого уездного городка Юхнова, уже после кровопролитного Смоленского сражения. Поредевший арьергард Давыдова, прикрывая отступление основных частей второй армии, добрался до городка последним. Вечерело. Садившееся за дальним лесом солнце золотом разлилось по реке Угре, возле которой рассыпался яблоневыми садами Юхнов. Двухэтажные деревянные домики, бредущие с лугов коровы, свиньи, вальяжно валяющиеся в дорожной пыли.

Город притих, словно бы вымер. Жители со страхом ждали французов. Кто успел уйти – ушел, большинству же просто некуда было уходить, их никто и нигде не ждал. Тишину вечерних улиц нарушало лишь мычание коров, да у кого-то за плетнем гоготали гуси. Еще мальчишки бежали на реку – купаться.

Вот и Денис решил выкупаться, смыть с себя дорожную пыль, а заодно, как всегда, проверить только что выставленные караулы. Выбрав заросли погуще, бравый гусар привя-

зал коня в кустах, скинул доломан, рубаху... да так и застыл, услышав негромкий девичий смех. Любопытствуя, Дэн осторожно раздвинул ветки плакучей ивы, клонящейся к самой воде...

Прямо напротив него купались девушки! Одна – крепенькая, с загорелыми ногами и большой грудью. Рыжие, собранные в пучок, волосы, широкое крестьянское лицо с вздернутым, как у Дениса, носом... Симпатичненькая... А вот вторая – просто красавица! Худенькая томная брюнеточка с гибким грациозным телом и синими, как небо, очами, сразила гусара наповал! Прямо в сердце. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы, не короткие, но и не длинные, тонкая шейка, изысканный носик, пухлые, слегка приоткрытые губки, которые хотелось целовать с такой неодолимой силою, что Денис почувствовал, как потихоньку сходит с ума. Еще бы! Ведь эту девушку он уже видел. Мало того – хорошо знал! Знал еще раньше, там...

– Леночка Крутова! – тихо прошептал Денис. – Боже... Похожа – просто до невероятности!

В Леночку Дэн был тайно влюблен... еще там, в прошлой своей жизни. Именно ради нее, ради ее синих глаз, ради жемчужной улыбки – и ходил Денис на спиритические сеансы... Эх, знать бы, чем все дело кончится! Леночка вышла замуж... а он... он теперь здесь...

Но, боже, боже... невероятно!

Молодой человек был не в силах оторвать глаз! Леночка

– Денис пока называл ее так – вышла из воды... наклонилась... Вторая девушка тотчас же накрыла ее полотенцем... Похоже, эта крепенькая – служанка, да...

– Ах, барышня, не пора ли нам домой? Порфирий Кузьмич уж, поди, все глаза проглядели, вас дожидаясь.

– Да уж и пора! Пожалуй, – «Леночка» томно потянулась, выгнула мокрую спинку... ах...

– Давайте-ка я вас, барышня, вытру... да будем одеваться.

– Ага...

Познакомиться! Наконец вышел из оцепенения Дэн. Немедленно познакомиться... вот прямо сейчас. Нет! Сейчас, пожалуй, слишком уж будет фривольно. Куда лучше встретить девушек на дороге. Как бы невзначай. Верно, у них и лошадь, коляска где-то недалеко... не пешком ведь пришли... там более эта... барышня...

Стараясь не шуметь, Денис натянул доломан и, набросив на плечо ментик, поднялся к лошади. Погладив коня по гриве, отвязал, взял под уздцы... Тотчас послышалось ржание и на дороге показалась легкая одноколка с сидящими в ней девушками. Теми самыми.

– Bonjour, beautés! Quelle joie de vous voir. Permettez moi de me présenter – le lieutenant-colonel Davydov, Denis, – дождавшись коляски, гусар подкрутил усы и отвесил изящный полупоклон.

– Ай! – вдруг воскликнула крепенькая. – Француз! Фран-

цуз! Скорее, барышня, едем!

– А ну-ка. Фекла, не ори! – юная красавица враз перехватила вожжи. – Никакой это не француз. Подполковник Давыдов... Oh! Est-ce que, vous – même monsieur Davydov? Le poète! (Ой! Неужели вы – тот самый господин Давыдов? Поэт!)

– Да, тот самый, – Денис скромно потупил глаза, в который раз уже в жизни своей полагая, что слава – не такая уж и плохая вещь.

– Ах, боже мой! – округлились синие глазки. – Ну, надо же, какая встреча. А я – Софья. Софья Половцева, дочь местного помещика, Порфирия Кузьмича Половцева. Ах, мой папа уже записался в ополченцы. Как и Арсений, мой сводный брат. Знаете, что? А заезжайте к нам в гости... ну... гм...

Красавица задумчиво наморщила носик:

– Ну, хотя бы завтра. Право же, завтра будет удобно.

Денис, конечно, заехал бы, но...

– Увы, мадемуазель – служба.

И впрямь, завтра ахтырцам уже надлежало быть близ Москвы.

– Служба... Понимаю... Только от вашей службы толку!

Софья вдруг недобро прищурилась, пушистые ресницы ее затрепетали, щеки окрасил нежный румянец:

– Все отступаете... А кто нас защищать будет? Похоже, что никто. Самим придется. Comme les espagnols «герильяс».

– Мы все же вернемся, – виновато – за всю армию – развел

руками гусар. – Обязательно вернемся, милая мадемуазель Софья... И я, быть может, куда как ранее других.

Засим и распрощались, без особенного политесу. И все же не только синие Сонечкины глаза запали в душу Давыдову после этой беседы. Не только глаза... но и «герильяс»...

Благодаря протекции Багратиона, с этой своей (впрочем, не только своей) идеей Денис в самом скором времени предстал и пред очами главнокомандующего... вернее – перед единственным его оком. Грузный, седой, как лунь, Кутузов долго всматривался в лихого гусара, забавно склонив голову набок:

– Герильяс, говоришь? Партизаны? Вот и Барклай твердит о том же...

Известие о неожиданном союзнике в этом деле сильно окрылило гусара. Барклай-де-Толли твердил о партизанах! Мало того, он первые отряды и организовал... правда, весьма малочисленные. Похоже, никакой Барклай не предатель. Просто осторожный... где-то даже слишком. Правда, ведь и Кутузов продолжал отступать.

Как бы то ни было, а за несколько дней до знаменитой Бородинской битвы подполковник Давыдов, получив под свое начало полсотни ахтырских гусар и полторы сотни казаков, немедленно отправился в «поиск» по ближним французским тылам. Сам главнокомандующий напутствовал его, трижды

перекрестив и обняв:

– Ну, действуй в охотку, Денис... Воюй так, как батюшка твой воевал, бывало. Надейся сам на себя, не плошай... И бей врага и в хвост, и в гриву!

Поприветствовав своего командира, новоявленные «партизаны» пришпорили коней, гикнули, крикнули – и помчались бить вражин, как то и приказал Кутузов. Передвигались скрытно, по лесным дорогам, города и селения объезжали. Пока... Ехали молча, всех, даже юного корнета Коленьку Розонтова, охватило чувство важности поставленной перед ними задачи, и от того на душе даже стало как-то спокойно.

Стелилась под копытами коней заросшая высокой травой лесная дорога, ветви осин и елей били в лица всадников. В голове Дениса словно сами собой возникали строчки:

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы...

Заночевали здесь же, в лесу, на небольшой полянке, утром же, едва рассвело, стали ставить более надежный лагерь.

– Здесь вот, меж болотцами, хорошо, ваш-бродь, – указывал ушлый казак Иван Ситников, Иловайского казачьего полка урядник.

Молодой – ровесник Дениса, – но уже битый жизнью, Ситников оказался расторопным на все руки: мог и кашу на свой

десяток сварить, и надежный шалаш сладить.

– Тамоку, позади, урочище... – продолжал казак. – Мы его чуток подрасчистим, чтоб, в случае чего, схорониться можно. Да и – схрон. А коней можно тут, на поляне, пасти. И вот еще что, ваш-бродь. Тут ведь, хоть и кажется, что глушь, а все ж деревни рядом. Вон и пожня, а вон – санный след.

– Санный?

– От саней-волокуш. Крестьяне на них и летом ездят. По бездорожью-то – добро как славно.

Поправив на голове казацкую шапку с малиновым верхом, Ситников лихо закрутил чуб и, спешившись, подозвал к себе своих казаков:

– Пошли-ка, ребята, в овражек. Поглядим, чего там.

Утро выдалось росистым, по всему, предстоящий день обещал быть солнечным и теплым. С первыми лучиками еще невидимого из-за деревьев солнца пробудились, защебетали утренние птахи, оживились, загудели шмели, а вот разноцветные бабочки не показывались, выжидали настоящего дневного тепла.

Проехав версты две по лесной дороге, с полтора десятка гусар и казаков (разведчики, возглавляемые лично Давыдовым) придержали коней на опушке. Впереди рвались в голубое небо дымы, виднелись серые заборы и соломенные крыши изб. Слышно было, как кукарекали петухи, мычали коровы, а кто-то из вставших уже крестьян громко бранился,

бог знает на кого.

– Большая деревня, – подполковник передал зрительную трубу Ситникову. – Похоже, французов там нету. А ну-ка, Иван, глянь.

Казак поправил шапку, всмотрелся и покусал левый ус:

– В деревне – не видать. Ни французов, ни чужих коней... А вот на дороге – следы.

Ловко спрыгнув с седла, Ситников нагнулся к лошадиным следам, четко отпечатавшимся в глинистой почве, и, похоже, принялся...

– Французы! Вона, подковы-то не как у нас. И телеги – слишком уж колея глубокая. Грузеные... Обоз! Вечерком вчера проезжали... или ночью уже.

– Ночью, говоришь? – задумчиво пробормотал Денис. – Обозы грузеные – всяко догоним... Да и поможем разгрузить! А, братцы?

– Знамо дело, ваш-бродь!

Сказано – сделано. Послав одного казака за подмогою, Давыдов пустил коня мелкой приемистой рысью прямо по лугу – на всякий случай огибая деревню, где враги, вполне возможно, могли оставить наблюдательный пост.

Выскочив немного погодя на дорогу, всадники прибавили ходу, бросив лошадок в аллюр. Таким вот бодрым аллюром и ехали, и впереди – многоопытный казачий урядник Ситников. Он и предупредил, резко заворотив коня:

– Навоз, господин подполковник! Свежий. Видать, близко

уже.

Приказав придержать коней, Денис прихватил с собой урядника и повернул к березовой рощице. Там разведчики спешили, привязали коней и дальше уже пробирались пешком. Недолго.

Из-за рощицы вскоре потянуло дымком, донесся густой запах ячневой каши, затем послышалось лошадиное ржание...

– Бивак у них там, ваш-бродь, – указал нагайкой казак. – Проснулись, сволочи. Видать, в путь собираются.

– Глянем!

Гусар выплюнул изо рта травинку и решительно зашагал вперед, пока за чахлыми кустами жимолости не увидел телеги, лошадей и суетящихся вокруг них людишек – солдат в зеленых мундирах.

– Вестфальская пехота, – шепотом пояснил подполковник. – Мундиры на наши похожи, путали издаля.

– Вестфальцы – с французами...

– С ними, да...

Давыдов и Ситников удалились так же осторожно, как и пришли. Отвязали коней, поскакали к своим – как раз подошла и подмога, еще сотня казаков и гусар.

– Кажись, дело! Ужо, покажем вражинам. Ужо! – радостно потирал руки Коленька Розонтов.

Ярко начищенные пуговицы на его доломане горели зо-

лотом, ментик был лихо наброшен на плечо, да и кивер, казалось, сидел как-то лихо, по-молодецки. Денис улыбнулся, вспомнив давнего друга Алешку Бурцова. Ну, Коленька – гусар гусаров. Еще бы усы! Увы, с усами покуда было плохо. Не росли – в силу младости.

– Ну, что, братцы? – подполковник улыбнулся в седле. – Вперед! А то что-то расслабился враг – совсем ничего не боится.

И снова всадники взяли в намет, понеслись, пригнувшись к холкам, молча и деловито, словно почуявшие добычу волки. Зачавкал под копытами неглубокий, но широкий ручей, показалась рощица, а впереди, за деревьями – крытые рогожками возы. Вестфальцы!

– Не одни ветсфальцы там, – Давыдов углядел красные мундиры саксонцев – легкой кавалерии союзника Наполеона принца Альбрехта. – Ничего! Никуда-то вы не денетесь, братцы. Ничего...

Проскакав еще немного, Денис вытащил пистолеты и обернулся в седле:

– Урядник! Давай слева, в обход – не дайте уйти. Остальные – за мной. Живо! Вперед! Ура-а-а!

– Ур-ра-а-а-а! – разнесся на всю округу грозный боевой клич.

Грянули выстрелы. Выскочившие к обозу партизаны схватили сабли... Началась рубка с саксонцами, один из них – дюжий красномордый (в цвет мундира) усач бросился прямо

на Давыдова, угадав в нем главного.

Со звоном скрестились сабли. Ловко отбив удар, Денис тут же перешел в контратаку с такой яростью, с таким неудержимым порывом, что в прищуренных глазах саксонца внезапно промелькнул страх... Гусар быстро провел ложный выпад, враг уклонился и тотчас же угодил под удар. Захрипел, согнулся в седле, держась за окровавленную шею... а бравый подполковник уже скакал дальше, врываясь в самую гущу схватки:

– А ну, наддайте-ка, братцы! Ур-ра-а-а!

Минут через десять все было кончено. Кто-то оказался убит, кто-то ранен, а пару дюжин вестфальцев, видя полную свою безысходность, предпочли сдаться в плен. Что делать с пленными, Давыдов пока не придумал. Одно было ясно: пленные для партизан – обуза, и лучше бы их вообще не брать. Да, не брать – зарубить на месте! В конце концов, в Россию-то их никто не звал. Зарубить! Беспощадно! Так бы и сделать... Однако Дэн все же был гуманист.

– Пленные пусть лагерь строят, – подполковник покусал губу. – Землянки в три наката... ха-ха! Чтоб бомбардировщиков выдержали... хотя какие тут, к черту, бомбардировщики.

– Хорошо бы еще гать через болото замостить, – осмелился посоветовать Ситников.

– Замостят, – кивнув, Денис Васильевич обратился к

пленникам по-французски: – Hé, seigneur! Sapeurs parmi vous? Саперы есть, спрашиваю?

– Ich bin Sapper, Herr Offizier! Und Sie – auch, – вытянувшись, браво доложил худющий и сутулый вестфалец с густыми пшеничными усами. – Ми есть саперы, я, я!

– Отлично, – Давыдов потер руки и повернулся к телегам. – Ну, что там есть-то, братцы?

В захваченном обозе, состоявшем из дюжины тяжело груженных возов, нашлось много всякого добра: мешки с мукой, пара ящиков вина, корзины с яйцами, явно реквизированными у местных крестьян, и много всего прочего. Особенно обрадовал партизан фураж – овес для лошадок.

– О, це добре! – радостно ухмылялся здоровенный казак, пересыпая трофейный овес на ладони.

– Добре-то добре... – подойдя, заметил плечистый здоровяк – один из казацких командиров, хорунжий Епифан Талаев. Епифан был из простых казаков и своим заработанным потом и кровью званием, пусть и невысоким, но офицерским, по Табели о рангах равным подпоручику, гордился нешуточно.

– Добре-то добре... Однако, господин подполковник, что мы с этими коньяками делать будем? Опять же – телеги куда денем? Сожжем?

Давыдов повел плечом:

– Отчего же сожжем, хорунжий? И телеги, и тяжеловозов этих крестьянам местным раздадим. Уж они-то трофеи сии

к делу пристроят!

– Они-то пристроят, ваш-бродь, – подал голос еще один казачий урядник, не Ситников, а другой – Крючков. Тоже Иловайского полка казак, только не из пятого, как Ситников, а из десятого.

– Они-то пристроят, только вот французы придут – снова отберут все!

– Это может быть, – покачал круглой головою хорунжий. – А может и не быть. Крестьяне-то наши – хитрованы еще те! Ежели что – все трофеи спрячут.

– Смотрите-ка, смотрите! – внезапно закричал от крайней телеги корнет. – Господин подполковник! Взгляните-ка...

Действительно, было на что взглянуть. Вся телега была заставлена сундуками, полностью забитыми золочеными ризами, рясами, кадилами и всем таким прочим, явно награбленным в церквах. Даже иконы – и те имелись. Лежали себе в сундуках, таинственно сверкая золотыми и серебряными окладами.

– Вот ведь нехристи! – тихо присвистнул хорунжий. – Правду люди говорят – этот Хренапард-Бонапарт – исчадь адское.

Все тщательно осмотрев, партизаны заворотили обозы и, выстроив немногочисленных пленных в колонну, тронулись в обратный путь. В высоком ярко-бирюзовом небе всюю сверкало солнце... правда, золоченые пуговицы на доломане

корнета Розонтова сверкали куда как ярче!

Юный корнет явно гордился своей формою, постоянно чистил ее самолично, не доверяя ординарцу, и результат, что называется, был налицо. Коленька выглядел на все сто – как на картинке... вот только бы усы... Но зато все остальное сияло так, что больно было смотреть.

Ехали не быстро, приноравливаясь к тяжелой поступи неторопливых обозных коней, лишь корнет, понукая лошадь, то и дело вырывался вперед и снова возвращался обратно.

– Ах, Коленька – молод, горяч! – покачал головой один из сослуживцев Дениса, штабс-ротмистр Ахтырского полка Николай Бедряга.

Широкогрудому, осанистому, с лихо закрученными усами и вытянутым немного скуластым лицом, штабс-ротмистру, верно, было бы лучше служить в лейб-гвардии или хотя бы в кирасирах! Уж больно силен, в гусарах же не сила важна – быстрота, ловкость. Впрочем, и гусар Бедряга отнюдь не позорил, служил исправно. Да что там говорить, Давыдов взял с собой в «партию» людей отборных, проверенных! Даже тот же Коленька Розонтов, несмотря на малые свои годы, уже успел нюхнуть пороху, что уж говорить о таких, как Бедряга! А еще были славные рубаки – поручики Бекетов и Макаров, и ушлые гусарские вахмистры – Шкляр с Ивановым... Да всех и не счесть! Это казаков Денис пока знал плохо, но за каждого из своих гусар мог поручиться головою.

– Молодость, молодость, – улыбнулся Давыдов. – Да уж, штабс-ротмистр... давно ли сами таким были?

Бедряга подкрутил усы:

– Да недавно совсем. Но кажется, что давно.

Вокруг щебетали птицы, радуясь теплему дню, порхали разноцветные бабочки, проносились стремительные синекрылые стрекозы. Еще пахло летом, да еще и стояло лето – самое начало сентября одна тысяча восемьсот двенадцатого года. Правда, все чаще попадались средь густой зеленой листвы золотистые пряди – предвестники наступающей осени. Уже сбивались в стаи перелетные птицы, а в лесу было полно ягод и грибов. Грибы даже вот здесь росли, вдоль дороги: подосиновики, моховики и даже, кажется, белые...

Благодать вдруг резко разорвал выстрел! Затем – еще один... и еще. Стреляли где-то впереди, за поворотом... в кого?

– Бог мой... Коленька! – поискав глазами корнета, спохватился Денис. – А, братцы, живо за мной. Под пули зря не лезьте!

Рванулись всадники, понеслись... едва не столкнувшись с вылетевшим из-за поворота Розонтовым.

– Там... там... засада, господин полковник! Враги. Мне вот кивер прострелили.

– Кивер не голова, – вытаскивая саблю, холодно бросил Давыдов. – А ну, братцы...

Гусары вылетели наметом... и сразу же попали под огонь!

Не такой уж и плотный, но все же...

– Ах ты ж черт!

Впереди, сразу за поворотом, дорогу перегораживала баррикада, составленная из крестьянских телег и наспех наваленных бревен! Именно там, за баррикадою и притаились стрелки... коих нужно было оттуда выбить.

– Спешиться всем! – Денис спрыгнул с лошади. – Поручик – обходите слева... Вахмистр – справа...

– Пойдите-ка, господа...

Хорунжий Елифан Талаев, прищурившись, видно, что-то узрел и, расправив плечи, вдруг разразился самой отборной руганью, от которой, несомненно, покраснели бы и лошади, коли бы умели краснеть.

– Эх, мать вашу ити... Так вас разэтак-растак! Вы что там, осатанели все?

– Хо! Выходит, свои, русские? – показались над баррикадой крестьянские шапки.

– Русские, русские, – подходя ближе, Талаев заорал еще громче: – Глаза-то протрите, эй! А ну, поприветствуйте господина подполковника! Живо!

Быстро сообразив, что к чему, Денис Васильевич прыгнул в седло и подъехал к баррикаде:

– Здорово, мужички-молодцы!

– И ты будь здоров, батюшка-подполковник!

Выбравшиеся из-за телег с десятков бородатых мужиков во главе с хитроглазым седым дедом принялись ломать шапки

и кланяться.

– Здрав буде, барин. Ты уж извини, что так... – развел руками старик. – Мы, вишь ты, думали – хранцузы вы.

– Да что же – по форме не видно? – Давыдов изумленно вскинул брови.

– Дак ведь и не видно, батюшка, – хитро прищурился дед. – Хранцузы тоже в форме... и все похожи. Они на вас, а вы – на них. И говорите одинаково – не по-русски. Уж ты не серчай, барин... А хочешь – в баньку! У нас как раз топится...

– В баньку, говоришь... А ты кто будешь-то, старче?

– Я-то? – дед теперь почему-то не казался таким уж старым. Ловок еще, рукаст! – Селиваном Карпычем меня кличут или просто – Карпыч. Староста я тутोшний, ага... Ну, гостюшки дорогие, добро пожаловать! Прошу не отказать. Как говорится – уж чем богаты...

В деревне уже всю сновали бабы да молодушки в поневах, сарафанах да цветных платках. Накрывали столы, староста же степенно пригласил «господина полковника» к себе в избу и все потчевал, потчевал, потчевал...

Тут и пироги, и щи кислые, и налимья ушица, и пиво, и медовый перевар, и хмельная бражица!

– Значит, говоришь, за французов приняли?

– Так, барин, так.

– Угу...

– А ну, Анютка, неси-ка еще бражки... Там, в леднике,

есть... – махнув рукой смешливой крестьянской девчонке, Селиван Карпыч совсем раздухарился, приятно было старику. Еще бы – не каждый день за одним столом с господами офицерами кушал!

– Мы это... графа Гольцева крепостные... Сам-то граф незадолго до ханузов куда-то утек. Управляющий тоже сбежал... Так что, стало быть, один я из начальства-то и остался... Вы пироги-то кушайте, господа мои... Вот и ушица...

Чуть помолчав, староста запрокинул полкружки браги и, крикнув, поинтересовался: откуда тут вообще русские-то войска взялись?

– И что, стало быть, не все в Москву ушли-то? Стало быть, есть еще тут русские воины! А нам, крестьянам, как быть?

На все вопросы Давыдов отвечал осторожно: да, отряды русские есть, селян в обиду не дадим...

– Но и вы, братцы-мужички, должны помочь.

– Дак мы-то с радостию! – Карпыч перекрестился на висевший в красном углу богатый киот.

Вообще, судя по избе, староста явно не бедствовал: крепкий дом-пятистенник, просторная горница, выложенная изразцами, топящаяся по-белому печь.

– Мы-то с радостию... Уж эти поганцы... ужо! Ни один живым не уйдет.

– Однако же на рожон, как вот сейчас, не лезьте, – дохлебав душистую ушицу, предупредил Денис. – Буде объявятся

французы – встретьте приветливо. Накормите, напоите поболее... Пить-то они мастаки. А, как упьются... – тут голос гусара зазвучал глухо и грозно. – Как упьются – перебейте всех. Потом закопайте где-нибудь в овраге... чтоб никто ничего.

– От это правильно, господине! – тряся седой бородою, возрадовался Селиван. – Тако и сделаем. Ну, что? В баньку?

Гусар улыбнулся:

– А, пожалуй что!

В баньку пошли веселой гурьбою, с поручиками, с вахмистрами. Звали и Коленьку, да тот не пошел – все болтал с какой-то местной смешливой девчонкой. Гусары же парились крепко да еще несколько раз посылали за брагою верного слугу Андрюшку. Он же, ближе к ночи уже, и предупредил своего барина:

– Староста просил не торопиться из баньки-то уходить. Есть у него к тебе, Денис Васильевич, какое-то слово.

– Слово так слово. Выслушаем.

Так вот вскорости Денис и остался один. Посидел немножко на лавке пред банькою, да, устав от надоедливых комаров, зашел обратно, окатился водицею да забрался опять на полок – греться. Тут вот дверь-то и скрипнула...

– Быстро ты, Селиван Карпыч... Ой!

Вот именно, что ой! Вместо старосты возникла на пороге парной нагая крестьянская нимфа! Рыжеволосая, крепень-

кая, с большой налитой грудью и тонким станом, она показала вдруг Денису олицетворением истинно русской красоты. Рыжие локоны крепостной красавицы, рассыпаясь, падали по плечам, круглое лицо сияло здоровьем, зеленые очи лукаво поглядывали на гусара.

– А Селиван Карпыч меня посла... Спинку потереть... попарить...

– Ну, иди сюда... – не стал отказываться гусар. – Давай-ка сначала я тебя попарю... а потом уж можно и спинку... Тебя как звать-то, красавица?

– Аглая...

– Аглая? Ну, надо же!

Дэн вдруг почувствовал, что откуда-то знает это имя, более того – оно ему чем-то дорого... и даже причиняет некую щемящую боль. И сразу же, словно сами собой, всплыли строки:

Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь – и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой...

– Славный стих, – укладываясь на полок, улыбнулась парильщица.

– Еще бы!

Ухмыльнувшись, Денис принялся с упоением охаживать веником спинку и ягодицы прелестницы... а когда та лукаво обернулась, взял ее за руку и повел в предбанник... В парной-то для этого дела жарковато, ага!

Ах, эта пышная юная грудь... в ней тоже есть своя прелесть... как в этих крутых бедрах, в этой спинке... в этих...
– А ну, повернись-ка... нагнись вот, к лавочке...

* * *

Буквально на следующий день после возвращения победителей в лесной лагерь господин подполковник с верным своим Андриюшкою вновь навестил деревню, и вовсе не для новой встречи с юной прелестницею Аглаей. Получив от старосты Селивана Карпыча целую телегу всякого крестьянского добра, выставил ее перед оврагом да велел трубить общий сбор исключительно для ахтырцев, казаки и так выглядели, как надо.

– Ну, вот вам, господа гусары! – дождавшись, когда все собрались, Давыдов усмехнулся в усы. – Чтоб нас крестьяне с французами не путали – выбирайте-ка себе одежонку по вкусу.

Сам подполковник уже облачился в армяк из темно-синей тафты, сменил кивер на татарскую шапку, бросил стричь волосы и, в дополнение к усам, отпустил бороду, став похожим то ли на известного бунтовщика Пугачева, то ли на Стеньку

Разина. Впрочем, больше все же напоминал...

Сплюнув, Денис Васильевич подошел к небольшому зеркальцу, повешенному на сосне в целях бриться гусар:

– Распутин! Как есть Гришка... Вернее, популярный актер Машков в роли того.

Не все гусары отнеслись к затее с переодеванием с пониманием, особо разобиженным оказался Коленька Розонтов. Еще бы, в армяке и смазных сапогах он и вовсе перестал походить на гусара, обликом напоминая юного приказчика или подпaska, а, когда подросли волосы, и вообще стал похож на смазливую крестьянскую девушку!

– Сирота казанская, – шутили гусары. – Как есть сиротинушка.

Хорошо хоть сабля на боку висела... Впрочем, и ее господин подполковник вскорости отнял, наладив корнета в разведку.

– С девчонками здешними пойдешь, – в тайности проинструктировал командир. – Вроде бы как по грибы или за ягодами. На самом же деле – смотри в оба! Староста Селиван сказывал – мародеры по окрестным селам бродят. Вот ты, Николай Петрович, их мне и сыщешь. Дело, сам видишь, опасное, важное... Да ты для таких и создан, гусар!

При таких словах Коленька окрылился душою и даже пустил скупую слезу, украдкой вытерев глаза кулаками. За сим и простились, договорившись встретиться к вечеру. Можно было, конечно, отправить в разведку и простых крестьян –

что-нибудь, да высмотрели бы... Однако корнет еще и французский язык знал, как родной... даже, пожалуй, лучше.

Замаскировали корнета на славу – ну пастушонок и пастушонок, – в жизни никто не догадается, что гусар. Однако сердце у Давыдова все же не на месте было. За всеми делами Денис Васильевич частенько спрашивал – не вернулся ли Розонтов? Не явился ли для доклада? Нет, не явился пока...

Между тем уже начинало темнеть. Похолодало, и темно-голубое, с оранжевыми отблесками заката, небо на глазах становилось черным. Блекло-серебристые звезды вспыхнули золотом, засиял в небе молодой месяц, а где-то невдалеке вдруг послышался тоскливый волчий вой.

– Ничего, барин, – утешил Андрюшка. – Волки сейчас сытые, на человека не бросятся. Чай, не зима.

– А вдруг все же бросятся? – Дэн покусал губу. – Корнет-то мальчишка совсем. Со зверем сладить – силенок не хватит.

– А может, он просто в лесу заплутал?

А вот это могло быть! Вполне. Откуда корнет родом? Из Москвы... имение рядом – лесов мало. Да и те. Что есть, не такие густые, как здесь.

Подумав, Давыдов велел было пригласить к штабному ко-стру двух урядников – Ситникова и Крючкова. Оба ушлые, деревенские, да и внешне схожи... Впрочем, что толку в ка-заках? Они не к лесу, они к степи привычны. Однако здесь ведь не степь... Местных надо!

– Вот что, Андрей Баткович! Седлай коня, скачи к Селивану. Скажешь... В общем, знаешь, что сказать...

– Знаю, – слуга покивал, потряс рыжеватой своею башкой и вдруг улыбнулся. – Денис Васильевич! А ведь парень-то, мыслю, где-то вокруг бродит. Девки в деревню ушли, а он с дороги сбился. В темноте-то немудрено. Далеко уйти не мог – чай, не конный. А хранцузы в пареньке ратника не заподозрят!

Денис улыбнулся:

– Это уж точно, не должны. Ну, скачи уже, узнай насчет девок. Вернулись, аль как?

– Ага... – ординарец все же замешкался, обернулся, отойдя от таявшего костра лишь на пару шагов. – Барин! Я вот смыслю, может, сигнал какой корнету подать? Ну, собакой там полаять...

– Нет! Он ведь знает, что в лагере нашем собак нет... – Дэн задумался, лихорадочно прокручивая в уме все приходившие одна за другой мысли. Эх, был бы магнитофон... включили бы на полную громкость... Какой-нибудь блэк метал! Небось, услышал бы! Магнитофон... А что? Никакой француз ночью в лес не сунется!

– Вот что, Андрей! Давай-ка, офицеров зови... Бедрягу, поручиков, хорунжего... И вина пусть с собой прихватят! Того, трофейного... ящик. Нет – два.

Собрались быстро, с вином, все довольные. Повоевали

неплохо, можно и попить малость. Тем более никакие французы сюда не доберутся – ночь, страшно!

– А корнета-то нет еще, – тем не менее доложил штабс-ротмистр.

Давыдов покривил губы:

– Знаю! Вот что, друзья. Думаю, заплутал наш корнет. Так мы ему сейчас поможем! Песню запоем громкую, славную! Так, чтоб слышал...

– А песню-то твою, Денис Васильевич? – ухмыльнулся Бедряга.

Подполковник повел плечом:

– Можно и мою! Но для начала – выпьем. Горло-то смазать надо.

Выпили. Не такое уж и поганое оказалось вино, ничуть и не скисло. Но, конечно, не жженка, да и некогда со жженкой возиться, да и рома, и шампанского нет. Жженка – это уж для лучших времен.

– А ну, запевай, ребята!

Выкрикнул, выпил и первым же затыкнул:

Я на чердак пере-е-еселился:

Жить выше, ка-а-ажется, нельзя!

С швейцаром, с ку-у-учером простился,

И повара лиши-ился я.

– С швейцаром, с кучером простился, – громогласно подхватили офицеры. – И кучера лишился я!

Коленька появился минут через десять. Вышел прямо на караул. С расцарапанными щеками, босой, но довольный...

Вытянулся:

– Разрешите доложить, господин подполковник!

– Докладывайте, господин корнет!

– Ваше благородие, корнет Розонтов задание выполнил.

– Молодец! Почто так долго шел?

Подросток сконфузился:

– Так это... как с девками простился, так и заплутал малость. А песню гусарскую услышал – и вот...

– Ну, что же... – похлопав корнета по плечу, Денис Васильевич довольно прищурился. – Вижу, ты молодцом. Проголодался, небось? Давай-ка, брат, к костру. Заодно и доложишь.

Обжигаясь горячей ущицею, Коленька кратко, но весьма обстоятельно рассказал обо всем, что увидел и услышал. Французов «грибники» встретили на большаке, в пяти верстах от большой деревни Токарево.

– В девять телег обоз, у десятой ось поломалась – бросили, – облизал ложку корнет. – Две телеги – полные, остальные пусты. Около сотни человек солдат и офицеров. Французы, пехота, плюс интендантский взвод из вольнонаемных. Там всякой твари по паре. И поляки, и саксонцы, и литовцы есть. С десятков офицеров – у тех пистолеты, палаши. У остальных – ружья да тесаки. Командир – капитан Ренье,

эльзасец.

— О! — удивился хорунжий. — А ты откуда узнал, что эльзасец?

— Разговор подслушал, — Коленька улыбнулся и потянулся к котелку за добавкою. — Мы по дороге-то рядом шли, солдат ягодами угощали. Вот я и слушал, что говорили...

— И что же? — уточнил Давыдов.

— По окрестным деревням они шарятся, — зачерпнув ушницы, пояснил корнет. — Мародеры! Все подчистую гребут — яйца, молоко, масло, фураж. Ну и церкви тоже не пропускают. Когда платят, а когда и... О Токареве говорили... Там ведь две церкви, старинные... Родовались — мол, наверняка поживятся.

— Вот ведь нехристи! — хорунжий Епифан размашисто перекрестился и, сплюнув, погрозил неведомо кому кулаком. — Ужо, доберемся! Ужо.

— Беспечно едут, — покушав, добавил Розонтов. — Ни охранения боевого не выставляют, ни часовых. Как у себя дома! Денис Васильевич покачал головою и скривился:

— Так они и считают себя дома! Ну, почти... Ничего, нам эта их наглость на руку. Какая там деревня-то, говоришь?

— Токарево. Я дорогу запомнил... Утром показать смогу!

— Сможешь, говоришь? Ну, вот и славненько.

Утро выдалось туманным, промозглым. Хмурое небо царпало вершины высоких сосен и елей, однако пока обходи-

лось без дождя, хотя под копытами лошадей хлюпало. Все гусары уже переоделись в крестьянское платье, так что почти ничего не выдавало в партизанах Давыдова кадровый отряд русской армии. Ехали сноровисто, быстро. Впереди, на пегом коньке, указывая дорогу, скакал юный разведчик Розонтов, за ним – командир со штабс-ротмистром и поручиками. Сначала – гусары, потом – казаки.

– Вот по этой дорожке дальше, – придержав на развилке лошадь, указал корнет.

Где-то там, в той стороне, вдруг гулко ударил колокол.

Подросток закусил губу:

– Грабят уже!

– Да нет, не грабят, – перебил парня поручик Дмитрий Бекетов – ловкий розовощекий гусар с соломенно-золотистой шевелюрой. – Звонят к заутрене.

– Как раз и французы проснутся, – Денис Васильевич усмехнулся и приказал всем молчать, слушать.

По туману, да вдоль протекавшей невдалеке реки, звуки распространялись прекрасно... Через пару минут из-за рожицы донеслось лошадиное ржание, немного погодя послышались и голоса. Кто-то что-то болтал, смеялся... Вот уж прав корнет – беспечные...

– Слушай сюда, парни, – негромко приказал Давыдов. – На околице засаду устроим. Сейчас – живо туда. Да! И передайте хорунжим, чтоб часть казаков вдоль дороги выставили. Мало ли...

Всадники тронули лошадей. Где-то за Угрой-рекой, за деревьями, за дальним лесом вставало солнце. Тусклое, скрытое туманом, оно повисло над холмами маленьким желтым шариком. Казалось – взять сейчас теннисную ракетку, ударить – и долетит шарик-солнышко аж до самого Парижа! Прокатится по бульвару Распай, перелетит Сену – да шмальнется об церковь Мадлен!

Усмехнувшись странным своим мыслям, Денис внимательно осмотрел местность и тут же отдал все необходимые распоряжения:

– Бедряга – по центру, возле овина. Бекетов – левый фланг, у кузницы. Макаров – правый, у реки. Казаки – у дороги... Занять места! Приготовиться... Стрелять по моей команде, да пуль не жалеть! Еще наплавим.

В те времена так и приходилось действовать. Оружие-то было самого разного калибра, солдатам в качестве боеприпасов, кроме пороха, выдавали еще и свинец, из которого они и отливали пули, по-походному плавя свинец на костре. Каждый же снаряжал и бумажные патроны, отсыпая меркою порох, заправляя пули. Возни много, зато особых проблем с боеприпасами нет: и трофейные пули можно запросто переплавить.

– Вон, вон! Вот они, – завидев показавшиеся из-за деревьев телеги, азартно зашептал корнет.

Давыдов взвел курки пистолетов... Выждал пару минут... Да дал коню шенкелей:

– За мной, ребяташки! Ур-ра-а-а!

Сразу же и выпалил, сунул пистолеты в седельную кобуру, выхватил саблю... Со всех сторон грянули выстрелы, загремело «ура». Выскочив из засады, гусары и казаки коршунами набросились на врага.

Французы не ожидали нападения. Кто-то пару раз выстрелил, да несколько офицеров взялись за оружие... и были тут же изрублены в куски казаками.

– Козак, козак! – в страхе заорали мародеры.

Часть солдат бросились в лес – по пути их перехватили все те же казаки. Кто-то – поумнее или, наоборот, поглупее – понадеялся искать спасения в деревне. Вовремя подскочившие мужички подняли лиходеев на вилы!

Видя такое дело, остальные предпочли сдаться. Просто падали на колени, поднимая вверх руки, и жалобно стонали. То еще воинство! Мародеры – мародеры и есть.

– Culottes! Traîtres! La racaille! (Труссы! Предатели! Подонки!), – размахивая шпагой, орал какой-то высокий офицер в синем мундире и трехцветном республиканском шарфе. – Je ferai de vous livrer devant une cour martiale! Non... fusiller! Ici même. Maintenant! (Я велю предать вас военно-полевому суду! Нет... Расстреляю! Прямо здесь же. Сейчас!)

Прыткого французика тотчас же окружили казаки и переодетые в крестьянские кафтаны гусары.

– Vous devez être le capitaine Rainier? Je suis le lieutenant-colonel Davydov. Je suggère d'abandonner (Вы, должно быть,

капитан Ренье? Я – подполковник Давыдов. Предлагаю сдаться), – подъехав, громко предложил Денис.

Капитан окинул его презрительным взглядом:

– Abandonner? Vous? Vous êtes un homme, et non l'agent! Donc ne font pas la guerre. Ainsi détournée... (Сдаться? Вам? Вы – какой-то мужик, а не офицер! Так не воюют. Так подло, так...)

– Alors vous tueront (Тогда вас убьют), – Давыдов безразлично причмокнул и поворотил коня.

– Attendez! Attendez-même, le diable vous emporte! Je... je suis d'accord. Je me rends. Voici mon épée. (Постойте! Постойте же, черт вас побери! Я... я согласен. Сдаюсь. Вот моя шпага.)

Закричав вслед подполковнику, капитан протянул шпагу...

– Заприте его пока в амбаре, – распорядился Денис. – Там поглядим.

Почти все отбитое добро Давыдов приказал раздать крестьянам. Староста и оба местных священника просто умоляли партизан остаться хотя бы до вечера в их деревне – на пир!

– Понимаете, сын мой, у нас так мало радостей осталось, – вкрадчиво уговаривал Дениса священник, отец Николай. – А тут, с вами – радость! Нечаянная большая радость. От того, что вы есть.

Уговорил. Остались. Ненадолго, правда – пообедали да

подались обратно в лагерь. По пути решали, что делать с пленными. Хорунжий Елифан предлагал всех их к чертовой матери расстрелять, гусары же, в большинстве своем, такой мере противились, но что делать с таким количеством пленных — не знали. Их ведь нужно было хоть как-то кормить, где-то содержать, охранять.

Здравую мысль неожиданно высказал Коленька:

— А завести их в лес, в самую чащу, да бросить. Выйдут так выйдут, а нет — и суда нет. Мы их к себе не звали!

Вот именно, не звали... Идея понравилась, ее и воплотили в жизнь почти сразу же. Предварительно допросив, казаки отконвоировали пленников в дальний лес. Вели, покуда не стемнело — там велели строить шалаши да разводить костры... Потом, якобы выставив охранение, незаметно скрылись...

Что там случилось с мародерами дальше, никто не знал. Поели их волки или сами пленники передохли от голода, или все же — хотя бы кто-то — выбрались, бог весть. Правда, говорят, капитана Ренье потом видели в какой-то интендантской роте... Но это все опять же — слухи.

Между тем пленники поведали немало интересного, по их показаниям партизанский отряд подполковника Давыдова немедленно, уже буквально на следующий день разгромил неприятельский обоз, захватив около трехсот пленных и полный комплект амуниции тринадцатого вестфальского полка!

– Башмаки! Ремни! Седла! – радовался Денис. – Уж теперь-то все будем справны.

Крестьяне окрестных деревень, воодушевленные примером Давыдова, и сами стали создавать небольшие отряды, нападать на обозы, убивать мародеров и вестовых. Официальная имперская пропаганда представляла французов в образе нехристей и исчадий ада, да и сами они вели себя вполне соответствующе, а потому крестьяне не брали их в плен, а кого – случилось – и брали, так тут же и убивали, причем иногда – самым изуверским способом. Закапывали в землю живьем, сжигали, забивали палками... А что еще делать с прихвостнями Сатаны? Прекратить весь этот беспредел Дэн не мог, да и не собирался: вторгаясь в чужую страну, французы получили то, что и должны были получить. Единственное, подполковник просил старост все же допрашивать пленников и сообщать ему обо всех «наиболее важных птицах».

Вот об одном таком пленном и принесла весть одна из местных девчушек. Та самая, что не так давно хаживала с корнетом по грибы.

– Важной такой, – наморщив веснушчатый носик, девчонка описала руками круг, видимо, показывая всю «важность» непрошеного гостя. – От этак по плечу – лента шелковая, на другом плече – бахрама.

– Офицер, – покивал Денис. – И в чинах немалых. Так он

у вас?

– Так прибили уже, – юная крестьянка улыбнулась, показывая, как именно «прибили» врага. – Мужик наш, Онфимко-кузнец, вилы взял – и оп! Кишки-то вражине и выпустили. А чего ж? Он наших троих пристрелил и одного проткнул саблей. Дядю Костю Махова... От жаль-то! Справный был мужик. Онфимко-то ему племяшом приходится.

– Так вы его что, и не допросили? – покусал ус Давыдов.

– Кого – Онфимку?

– Да не Онфимку... Офицера этого.

– Допросили, батюшка, – девушка поклонилась. – Староста все обписал – он у нас грамотей, однако. Вот!

Сунув руку за пазуху, девчонка протянула Давыдову сложенный вчетверо листок.

– Так-так... – почитав известие, лихой партизанский вождь поблагодарил юную вестницу и приказал тотчас же собирать совет.

– Обоз французы отправляют, – обведя глазами собравшихся, негромко начал гусар. – В Смоленск, к губернатору. Добра там много – иконы в окладах, книги старинные... Ну, и пленные. Их там, в Смоленске, показательно расстрелять хотят. При всем честном народе! Чтоб боялись. Чтоб неповадно было.

Первым поднялся Елифан Талаев, хорунжий.

– Освободим, освободим пленных! Налетим да... И добро отобьем. Впервой ли? Верно я говорю, братцы?

Офицеры – и гусары, и казаки – одобрительно загалдели.

– Верно-то верно, – нахмурился Денис. – Только охраны там – шестьсот человек, не считая обозных. Егеря – народ опытный, жженный.

– Так мы наскоком! – вздернулся хорунжий.

Подполковник покачал головой:

– На этот раз не выйдет наскоком, Епифан. Говорю же – народ там ушлый. Егеря и охранение выставят, и авангард – арьергард... Все, как надо. А у нас людей...

– Так крестьян позвать! – подкрутив усы, неожиданно предложил штабс-ротмистр Бедряга. – Хватит им уже по своим деревням отсиживаться!

– Так они не отсиживаются.

– Ну... все равно. Как-то повеселей воевать надо!

– Крестьяне – это хорошо, – Денис Васильевич задумчиво раскурил трубку. – Их тут, по деревням, и в самом деле немало. И воевать будут не вилами – трофейные ружья им раздадим, палаши, сабли...

При этих словах вскинулся обычно молчаливый поручик Петр Макаров. Тощий, сутулый, неразговорчивый, он почти не имел друзей и даже предпочитал уклоняться от дружеских гусарских пирушек. Зато воевал справно! Знатной доблести был человек.

– Armer les hommes? Вооружить мужиков? Бог с вами, господа. Я думаю, это было бы неразумно. Французов рано или поздно прогоним... А оружие мужички припрятут! Так

и до бунта недалеко, господа мои. Как говорят на Востоке – не выпускайте из бутылки джина.

– А мы выпустим! – светски улыбнулся Давыдов. – Пойми, Петр Иванович, нам деваться некуда. Или ты хочешь, чтоб наших людей расстреляли супостаты? Чтоб над иконами святыми глумились?

– Да ничего я подобного не хочу! – поручик замахал руками. – Напасть на обоз надо обязательно. Только вот – крестьянам оружие... Опасаюсь я.

– А ты, ваш-бродие, не опасайся, – хорунжий Епифан угрюмо посмотрел на гусара и хмыкнул.

Большинством голосов (Дэн все-таки устроил голосование!) решили оружие крестьянам дать! Длинные французские мушкетеры, палаши, сабли... Еще и порох, и пули – свинец.

По всем окрестным деревням Давыдов отправил посланцев, и уже на следующий день, ранним утречком, крестьянские отряды собрались у старого моста – там, где и была назначена встреча. Из-за леса потихоньку поднималось солнышко. Плечистые крестьянские парни переминались с ноги на ногу, искоса поглядывая на казаков.

– Здорово, молодцы! – вылетел на коне Денис. – Я – подполковник Давыдов. Думаю, знаете.

– Знаем, ваш-бродь, – вразброд откликнулись парни.

Гусар довольно усмехнулся:

– Рад, что вас так много пришло. Сотни три! Славно! Сей-

час каждый получит ружье, порох и пули. Как снарядить патроны – покажут. Еще кому вдруг приглянется палаш или сабля – не стесняйтесь. Однако же – поспешайте. К обеду выступим, с Богом.

К обеду выступили. Первыми пошла вскачь разведка – дюжина казаков под командованием ушлого урядника Крюкова. За ними следовали гусары и все остальные казаки. Крестьяне же шли пешком. Перепоясавшись палашами и саблями, положив на плечи ружья, парни приосанились: ныне они и впрямь почувствовали себя воинами. Даже те, кто постарше – солидные бородатые мужики – и те радовались.

– Ужо покажем супостату!

– Увидит Бонапартый, где раки зимуют!

Весело шагали, уверенно, быстро. Того и гляди – песню запоют, словно заправские солдатушки-ребятушки. Что же касаясь конницы, то уже через пару-тройку часов гусары с казаками выбрались на старую смоленскую дорогу. Именно по ней воинство Наполеона шло на восток, именно по ней проходили самые важные обозы. По обеим сторонам дороги чернели сожженные нивы, шурились разбитыми окнами разграбленные деревни. При виде всего этого у Давыдова сжалось сердце. Подогнав коня, Денис подозвал прятавшихся за деревьями ребяташек. Трое – двое мальчишек и девочка с русой косою. Чумазые, оборванные, босые.

– Почто прячетесь? Хлебца хотите?

– Ой, батюшка-барин, хотим! А вы... а вы, чай, не хранцызы?

– Да что мы, на них похожи, что ли? – улыбнулся гусар.

– Не...

– Вот то-то и оно, что «не»! – хмыкнув, подполковник обернулся к соратникам. – А ну, братцы! У кого там что есть?

В переметных суммах гусар нашлись и пироги, и сало. Ода-рили детишек, а уж те-то как были довольны! Жадно набросившись на еду, кланялись, благодарили с набитыми ртами:

– Флафофафы, фопфа...

– Благодарствуем, господа хорошие. Дай вам Бог всего.

– Кушайте на здоровье, – Денис Васильевич погладил округлую свою недавно отпущенную бородку и поинтересовался, не видали ли ребята французов.

– Не проходил тут обоз большой?

– Не-а, не проходил, – дружно загалдели все трое. – Ни большой, ни малый.

– Значит, скоро пройдет, – подполковник задумчиво покивал и снова погладил бороду – все никак не мог к ней привыкнуть.

– Так, слушай мою команду! Гусары – налево, казаки – справа... – быстро распорядился Денис. И, чуть помолчав, добавил: – А вы, штабс-ротмистр, крестьян дожидаться будете. В помощь вам – корнет и урядник. Чтоб в бой толпой не бросались! Ясно?

– Ясно, ваш-бродь! Исполним.

Лишь корнет Розонтов обиженно скривился. Уж так хотелось ему на лихом коне ринуться на врагов первым! Помахать вдосталь сабелькой. А тут, вишь ты, приходится крестьян ждать, лапотников. Как ими командовать-то? Чай, не солдаты.

– А нам чего делать, дяденька барин? – подала голос девочка. – Сироты мы. А деревню нашу спалили.

– Сироты... – озадаченно протянул гусар. – Вы вот что... спрячьтесь пока подальше, в лесу. А, как все кончится, с нами пойдете... Деревень много, пристроим куда-нибудь, ничего.

– Господин подполковник. Гонец!

Давыдов поворотил коня. Из-за поворота, поднимая столб пыли, показался несущийся в галоп казак. Из тех, что были отправлены в разведку.

– Обоз, ваш-бродь! Идут, едут. Через полчаса здесь будут.

– Ну, вот и славненько. А ну... живо попрятались все! Без команды не стрелять, не высовываться. Слушать сигналы.

Сигнальщики да вестовые – эти в бою всегда при Денисе были. Ну, а как же? Командир он или кто? А без связи какое командование? То-то и оно – никакое.

Как доложил все тот же гонец, пушек при обозе не имелось. Да правда и есть – зачем в тылу пушки? Артиллерия, чай, под Москвой нужнее.

– Готовсь! – передалось, прошелестело по всем эскадронам.

За поворотом вздыбилась к блеклому небу желтая дорожная пыль. Послышались голоса погонщиков, ржание лошадей... песня! Ну да, пели французы – беспечны, ничего не боялись! Да и чего опасаться-то? Кто посмеет напасть на хорошо охраняемый обоз, тем более здесь, в тылу? Обнаглели вражины, расслабились. Ну да ничего... ужо!

– Гусары – пистолеты к бою! Пли! В атаку, братцы. Ур-а-а!

Резко запела труба. Рванули осеннюю тишину выстрелы. Откуда ни возьмись выскочили, понеслись на обозных страшные «козаκες»! Настоящие дикари-разбойники. С саблями, с посвистом, с громовым «Ура»!

Дрожала земля. Гремели выстрелы. Свистели пули.

Увлекая за собой всех, Давыдов ворвался в самый вражеский авангард из десятка драгунов. Словно молнии, сверкнули палаши и сабли, Денис рубанул одного, второго, третьего... Наотмашь, с протягом, по-казацки. Кто-то упал, кто-то схватился за плечо. А кто-то и уклонился, подставил палаш под саблю. Началась рубка, такая, что, верно, самим чертям бы стало тошно в аду! Со всех сторон звенело, гремело, ахало. Кто-то ругался, кто-то орал...

Как стало чуть тише, лихой партизанский командир, уловив момент, прихватил вестовых и выбрался из сечи, бросив коня на пологий холм. Осмотрелся... знатно бились и гусары, и казаки. На иное и не рассчитывал. Однако врагов-то было куда как больше... Где же крестьяне, где?

– Кажись, идут, ваш-бродь! – один из вестовых указал на гайкой на лесную дорогу.

Давыдов резво вытащил подзорную трубу, приложил окуляр к правому глазу... Ага... Вот деревья качаются, вот пыль. А вот какой-то всадник. Коленька! А за ним – мужики, парни...

– Вестовой – к корнету! Пусть мужики растянутся цепью. Потом – пусть стреляют. По вражескому авангарду! Залпами! Ну, поручики знают, не мне учить. Все понял?

– Ясно, ваш-бродь.

Отдав честь, вестовой бросил коня к лесу.

– Трубачи! – тут же подозвал Дэн. – Готовьте трубить отход... Не сейчас...

Подполковник вновь вскинул подзорную трубу, всмотрелся:

– Ага... Вот уже вышли... Выстроились... Трубите!

Сверкнули, вздернулись к небу трубы. Заиграли отход. Казаки и гусары выполнили команду четко. Мигом поворотили коней да поскакали в разные стороны. Враг возликовал, вскинул знамена... И тут – залпы! Один, другой, третий...

– Заряжай! – вдохновенно командовал Коленька. – Целься... Пли!

Снова ахнули ружья. Трофейные французские мушкеты. Их тридцатиграммовые пули легко ломали корабельные борта. Правда, вот с прицельностью было не очень... Да у всех тогда было не очень, кроме разве что нарезных штуцеров.

Но те заряжать – умаешься.

Зато залп, как залп! Обозных, драгунов просто снесло! И все вокруг затянуло пороховым дымом.

– Еще два залпа, – отправил вестового Денис. – Понимаю – дым. Так пусть бьют примерно, не целясь.

Снова ахнули ружья. Опрокинувшись, заржала, застонала раненая лошадь... жалко лошадку... жалко...

Авангард, похоже, был выбит.

– Трубачи! Контратака!

В унисон задорно запели трубы. Пришпорив коней, партизаны вновь бросились на обоз. За ними, сверкая штыками и лезвиями тесаков, шагали в бой угрюмые крестьянские парни. Многие – из разоренных французами деревень.

Обогнув обоз полем, Давыдов со своими гусарами выскочил к арьергарду, к повозкам, в коих везли самых важных пленников... Увидав всадников, охрана поспешно разбежалась. Денис дернул дверцу кареты – старой скрипучей колымаги размерами со средней руки грузовик. Внутри находились испуганные дамы самого различного возраста, судя по платьям и шляпкам – дворянки.

– Je suis le lieutenant-colonel Davydov. Vous êtes libres! À partir de maintenant et dans les siècles des siècles (Я – подполковник Давыдов. Вы свободны! Отныне и во веки веков.), – галантно представился Дэн. Понимал – эти напыщенные помещицы по-русски сейчас, верно, не поняли б, уж слишком напуганы были.

– Oh, au fait, en russe? Quel bonheur! Enfin, vous nous délivrent de ces français barbares! – прокудахтала какая-то морщинистая старушенция в белом чепце. (О, вы и в самом деле русский? Какое счастье! Наконец-то вы избавили нас от этих французских варваров!)

– Toujours heureux de vous aider, madame! – светски улыбнулся гусар. – Всегда рад помочь.

– Oh, oui, nous semble familier! – послышался вдруг миленький звонкий голосок. – Мы, кажется, знакомы!

С этими словами из кареты выглянула... та самая милая синеглазка, красавица, каких невозможно себе вообразить... Софья!

– Moi aussi je suis content de vous voir, mademoiselle! (Я тоже рад видеть вас, мадемуазель!) – помогая девушке выбраться, гусар почувствовал, как захолонуло сердце.

Между тем Софья оглянулась по сторонам и вдруг ахнула:

– Там, там, у леса! Там французы.

– И что же? – подал плечами Денис. – Они ведь бегут.

– Но... там наша заимка. Там мой брат Арсений... Он, верно, ранен. Ах, господин подполковник, они ведь его убьют!

Милое личико Софьи исказилось таким страданием, что Давыдов счел возможным ласково погладить девушку по руке.

– Ничего, мадемуазель Софи. Мы конечно же не оставим в беде вашего брата. Сейчас я пошлю людей...

– Ah, mon dieu, mon Dieu! Quelle est la déroute. Terrible. C'est à dire, je voulais pris dans la – jolie. Donc, pour eux, ces barbares, et il faut, – из кареты, выбралась, наконец, та самая бабушка, какая-то богатая помещица и, как выяснилось, патриотка. – Ах, боже мой, боже мой! Какой разгром. Ужасный. То есть я хотела сказать – прекрасный. Так им, этим варварам, и надо.

Глава 2

Охотничья заимка располагалась на небольшой полянке. Небольшая бревенчатая избенка с подслеповатым оконцем без стекол, закрывавшимся на ночь ставнями. К завалинке привалились старые широкие лыжи, подбитые рыжим лиственным мехом, удочки и снеговая лопата, такая же старая, как и лыжи. Никаких французов поблизости видно не было, да и вообще заимка производила впечатление пустой.

– Похоже, нет там никого, – придержав коня, Давыдов отвел рукою ветки красной от ягод рябины...

Тотчас же прозвучал выстрел! Пуля пролетела вверх, метрах в двух от подполковника.

– Из окна палят, ваш-бродие, – тихо заметил вахмистр. Старый седоусый гусар Евсей Михалыч Васенцов. Все звали его Михалыч и весьма ценили за боевой опыт и неустанное доброе слово. – Я сейчас сзади обойду и...

– Хорошо, – Денис пригладил бородку и погнал лошадь чуть в сторону, чтоб не так было легко попасть.

– Je ne cédera pas, maudits barbares! – внезапно закричали из избы. – Ne cédera pas, au moins vous serez Bonaparte lui-même.

– Французы! – ахнул вахмистр. – Чего они такое орут-то? Денис прислушался:

– Похоже, орет только один. И вряд ли это француз. На-

оборот. Обзывает французов варварами и кричит, что не сдастся даже самому Бонапарту!

– Эко! – покачал головой Васенцов. – И все же я обойду...

– Давай... Хотя! – подполковник вдруг улыбнулся. – А не тот ли это, кого мы ищем? Погоди-ка...

Приложив руки ко рту рупором, гусар громко закричал:

– Эй, там! С чего вы взяли, что мы французы!

– Хорошо говорите по-русски, сволочи!

Снова прозвучал выстрел, сбил гроздь рябин.

– Да хватит уже вам стрелять! – возмутился Давыдов. – Вы, верно, Арсений? Ваша сестра просила...

– Я-то Арсений! – в окне показалось чье-то бледное узкое лицо. – А вот вы кто?

– Я – подполковник Давыдов, Денис, – приосанился Дэн. – Из ахтырских гусар.

Маячившее в окне лицо тотчас убралось, вместо него вновь блеснул пистолетный ствол... Да сколько ж там пистолетов? Два ствола уже выстрелило. Этот – третий. Вряд ли Арсений успел их так быстро перезарядить. Или... или он в избе не один? Есть еще кто-то?

– Говорите – Давыдов, гусар, – напряженный голос Арсения звучал с явной насмешкой. – Ну, ежели так... Докажите! Прочтите стихи.

– Да извольте! Какие вам стихи? Любовные, военные?

– Да любые! Только прочтите...

– Ну...

Поэт откашлялся:

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.

Дверь отворилась, и на пороге возник лохматый молодой человек в пенсне, грязных панталонах и порванном на локтях сюртуке. В левой руке его дулом вниз был пистолет, правая же кровавилась раной.

– Ах, боже мой... – рассеянно произнес юноша. – Денис Давыдов! Это... это и в самом деле вы! Je vous prie de m'excuser.

– Ну, полноте, полноте, не извиняйтесь.

Польщенный гусар тронул коня и, подъехав к самой заимке, спешил. В этот же самый момент из-за угла выскочил вахмистр, ловким движением выхвативший у молодого человека пистолет.

– Сейчас я его, ваш-бродь!

– Постой, Михалыч! Его бы перевязать... Идемте с нами, Арсений.

– Да-да, да-да... – подняв упавшее наземь пенсне, юноша зашагал рядом с гусарами. Нескладный, сутулящийся, с узеньким бледным лицом и вислым носом, он, скорее, был некрасив, но все же имел какое-то обаяние, иногда свойственное провинциальной дворянской молодежи.

— Да-да, да... Вы знаете, я принял вас за французов. Когда они пришли, начали грабить, я... я не мог на это смотреть... я стрелял в их полковника, и, кажется, убил... Потом бежал, спрятался здесь... и вот... вот...

— Да не волнуйтесь вы так, — как мог, утешал Давыдов. — Сейчас вас перевяжут... Кстати, ваша сестра вас заждалась!

— Сонечка?! Мы не родные... сводные... Что с ней?

— Все в порядке, Арсений. Вон, она, кажется, бежит...

В честь освобождения пленных местный помещик, Порфирий Кузьмич Половцев, отец Сонечки и Арсения, устроил следующим вечером бал. По нынешним военным временам — весьма непритязательный и скромный, но тем не менее Порфирий Кузьмич постарался не ударить в грязь лицом.

Дородный, в шитом золотом старомодном камзоле если не екатерининских, то уж, по крайней мере, павловских времен, господин Половцев здоровался со всеми гостями лично, встав напротив дверей и опираясь на резную палку. Породитое, несколько одутловатое, лицо его, с вислым, с красноватыми прожилками, носом, излучало полнейшее радушие и любезность.

Небольшой оркестр из крепостных музыкантов негромко наигрывал в дальнем углу обширной залы, у больших «французских» окон были накрыты столы. Кое-что взяли в обозе, а что-то нашлось и у самого помещика. Всякие там наливочки, грибочки, соленья. Видать, не все французы разграбили, далеко не все!

Гостей тоже набралось порядочно. Конечно, в первую очередь – господа офицеры, ради такого случая сменившие уже ставшие привычными крестьянские армяки на гусарские доломаны и ментики. Особенно радовался сему юный корнет Розонтов! Улыбка с его лица не сходила на протяжении всего бала. Теперь-то уж все видели, что – гусар! Вояка лихой, бравый. Вот еще бы усы...

Кроме военных, пожаловали и местные помещики, так, из мелочи, по полсотни-сотне душ, крупные-то землевладельцы давно уже уехали в Санкт-Петербург да в Москву, где имели собственные особняки. Некоторые, говорят, записались в ополчение. Из тех, что не служил, статский.

– Алексей Петрович Селиков, помещик, с супругой, Натальей Кирилловной, – представлял гостей Порфирий Кузьмич. – Смею заметить, сии достойные люди весьма пострадали от супостатов, весьма... А это вот, Верижины, Ирина Дементьевна и Иван Иванович, майор от инфатерии в отставке... А вот – господин Бельский.

Высокий нескладный господин в мундире с шитым золотом воротником лихо подкрутил усы и, щелкнув каблуками, гаркнул:

– Рад представиться, господин подполковник! Отставной капитан Бельский, девятый сумской пехотный полк.

– Вижу, вы бравый вояка, – Денис одобрительно улыбнулся. – Чего не в ополчении?

– Так был назначен! Да собрать не успел, – скорбно развел

руками капитан. – Собирался, но... Опоздал! Слишком уж быстро пришли супостаты. Да и...

А дальше поведал такое, о чем Дэн догадывался и раньше. Пользуясь относительным спокойствием, местные помещики отнюдь не спешили вооружать своих крестьян, коих опасались ничуть не меньше французов! Да и французы на первых порах не везде своевольничали – под приглядом начальства старались за все платить.

– Ничего, – насмешливо утешил Давыдов. – Еще не поздно в командование вступить. Нормальное ополчение когда организовать сможете? Не дюжину помещиков в охотничьих куртках, а настоящее ополчение! Чтоб супостата бить.

– Ополчение! Да я... Господин подполковник... Да я же... Я – враз! – от волнения Бельский даже начал заикаться. – Я бы давно... Да ведь – кабы чего не вышло! Разрешения-то от властей нет... А вы, господин подполковник, не могли бы...

– Дам, – пряча ухмылку, заверил Дэн. – Самолично выпишу. И – с Богом!

При таких словах ошалевший капитан выпятил грудь и гаркнул так, что едва не задул горевшие в бронзовых канделябрах свечи:

– Служу Отечеству, господин подполковник. Отечеству и государю-императору! Государю-императору Александру Павловичу – виват!

– Виват! Виват! Виват! – дружно подхватили все.

Крепостной оркестр – литавры, виолончель, два тромбо-

на и скрипка – грянул какой-то бравурный военный марш. Под музыку сию как раз и появилась припоздавшая гостья, та самая старушенция, из кареты...

– О, графиня! – Половцев бросился к ней со всех ног. – Ах, Марья Алексеевна, душа моя! Как я рад, как рад! Уж думал, не придете. Oh, ma joie, le vrai, n'a pas de limites! Радость моя поистине не имеет пределов.

– Ну, что вы, Порфирий! Comment pouvais-je ne pas venir, ne pas voir ces braves hussards! Oh, il semble, aujourd'hui, ils sont vraiment – les hussards. Vous ainsi va cette tunique, monsieur le colonel! (Как же я могла не приехать, не посмотреть на этих бравых гусар! О, кажется, нынче они и впрямь – гусары. Вам так идет этот мундир, господин полковник!)

Последняя фраза, естественно, была адресована Давыдову.

– О, пока еще только подполковник, – с самой светской улыбкой поклонился гусар.

Старушенция поджала губы, похожие на гусиную гузку, желтое, усеянное сеточками морщин, лицо ее скривилось.

– Portez toujours la forme, monsieur le hussard! Rien à se mélanger avec les paysans même de l'esprit, – наставительно заметила Марья Алексеевна. – Всегда носите форму, господин гусар! Нечего смешиваться с крестьянами даже по виду. Мужичье – оно и есть мужичье. Подлое, необразованное словье. Моя бы воля – секла бы каждого каждый день! Так, для порядка.

– Круто вы с ними, – Денис передернул плечами.

Графиня отмахнулась:

– Отнюдь! Знаете, я ведь из Саратова. Там и детство прошло, и юность. Застала еще Емельку Пугачева! Ох, не приводи Господи.

За столом посыпались тосты: за государя-императора (выпили стоя), во славу русского оружия, за славных героев-партизан (имелись в виду, конечно, отнюдь не крестьяне), конкретно – за подполковника Давыдова...

– Ах, Денис Васильевич, – сидевший напротив Арсений погладил перевязанную руку. – Вы ведь прочтете свои стихи?

– Да-да, – высказанную помещичьим сыном идею горячо поддержали смешливые девчушки в бело-голубых бальных платьях. Да и Софья... Сонечка... задорно сверкнула синими своими глазищами:

– И правда, почитайте, а! Ну, право же, Денис Васильевич, ну, пожалуйста.

– Всем юным нимфам не могу отказать!

Денис поднялся, опустил веки и принялся читать нараспев...

Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

Выслушав, гости грохнули аплодисментами:

– Ой, Денис Васильевич! Славно как. Вот, право слово, славно!

– Черт возьми, хорошо сказано! Как раз по нынешним военным временам.

– Не поминай нечистого, Иван Иванович. А то ка-ак дам сейчас по затылку!

Грозная супружница отставного капитана, судя по глазам и бегающему взгляду последнего, запросто привела бы озвученную угрозу в исполнение, кабы не чей-то тоненький голосок:

– И все же, Денис Васильевич. О любви бы хотелось очень-очень!

Это высказала не Софья, какая-то другая девушка – светленькая, с серыми сияющими глазками. Ее тут же поддержали подружки, коим, судя по виду, едва исполнилось четырнадцать. Впрочем, по тем временам – вполне солидные дамы, невесты, кто-то уже и замужем наверняка.

– Мы бы записали пока на салфетках... потом бы в альбом... Сонечка, Сонечка! Вели принести чернила, ага.

На салфетках... Ну да, диктофонов нет. И все же... какая бешеная популярность! Дэн сглотнул слюну... С каким обожанием смотрели на него сейчас все эти девочки. Не хуже, чем на Диму Билана! Вот она, слава-то... Что ж, приходится соответствовать.

– Ну, что, девчонки? Готовы слушать-записать?

– Ой, Денис Васильевич! Читайте.

О несчастной любви читать не хотелось... и Дэн вдруг припомнил басню. Просто, словно сами собой, возникли в голове строчки:

«Мне быть неверным? Никогда! —
Поет любовник легкокрылый. —
Напротив, страсть моя тогда
Еще усилится, друг милый!»

И много еще чего прочел. Особенно – когда еще выпил. Ярко горели свечи. За столами рекой лилось трофейное шампанское и шато-рез. Снова заиграла музыка... Традиционный первый танец – торжественный и чопорный полонез – Денис вынужден был подарить самой знатной гостье – графине Марье Алексеевне, второй – распорядительнице бала, местной помещице и доброй подруге вдовца Порфирия Кузьмича.

Третьим танцем был вальс, считавшийся, особенно в провинции, весьма фривольным и даже не очень приличным. В газетах писали: «Танец сей, в котором, как известно, кружатся и сближаются особы обоего пола, требует надлежащей осторожности, чтобы избегать излишнего сближения, оскорбляющего приличие».

Наплевав на приличия, Денис наконец-то пригласил к танцу столь любезную его сердцу Сонечку. Девушка чуть покраснела – все же вальс! Была бы мазурка или там, контрданс

– другое дело, но вальс... Потом ведь вся округа судачить будет не один год! Одно слово – провинция. А, впрочем...

– А впрочем, Денис Васильевич, идем!

Задорно сверкнув глазами, юная Софья увлекла гусара за собой в потоки музыки и неги. Девушка выглядела сейчас настолько обворожительно, что у Дэна захватило дух. Сонечке так шло бальное светло-голубое платье из шуршащей невесомой ткани. Очень даже модное, с завышенной талией, с голыми плечами и едва прикрытой грудью... трепетно вздымающейся, волнующей... манящей...

Под мягким корсетом, вернувшимся в моду не так и давно, прощупывалась тонкая талия и даже линия позвоночника... правда, Денис не слишком давал волю рукам, стараясь не сбиться с такта.

Раз-два-три – влево... Раз-два-три – вправо... И снова раз-два-три...

Щеки Сонечки окрасил нежный румянец, синие глаза сияли, трепетно подрагивали черные пушистые ресницы. Темно-каштановые волосы девушки были собраны в изысканную прическу, несколько локонов спускались на плечи, восхитительно белые, нагие, кои так хотелось поцеловать! На изящной шейке поблескивало серебряное кольцо с сапфирами, такие же благородные синие камни сверкали и в сережках. Под цвет глаз!

Все кончается. Кончился и вальс.

– Ах, милая Сонечка... – Давыдов галантно поцеловал да-

ме ручку. – Позвольте мне вас так называть.

Девушка улыбнулась:

– Меня все так зовут. И батюшка, и подружки, и брат. Даже служанки... Денис Васильевич! А хотите, я покажу вам свой альбом?

– Конечно! – азартно сверкнул глазами гусар. – Почту за честь, мадемуазель, почту за честь.

– Тогда идемте! Туда, на второй этаж. У нас там небольшая гостиная.

Сонечкин альбом, как и альбомы всех барышень той славной поры, сильно напоминал альбом дембельский из куда более поздних времен. Принцип был одинаков – бархат, виньетки и прочая «невероятная красотень», ну и, за неимением фотографий – рисунки. И конечно, стихи. Самые разные.

Рисунки, к слову сказать, иногда попадались отличные. К примеру, графическое изображение нагой греческой нимфы... в коей без труда узнавалась Сонечка. Правда, хитрый гусар не показал виду, что кое-кого признал... хотя, вполне может быть, что девушка специально ему себя таким вот образом показала!

– Чей это рисунок?

Софья сморщилась и нервно покусала губу:

– Это нарисовал один... один человек, слышать о котором мне до сих пор неприятно. И слышать... и видеть...

– Что же случилось? Впрочем, прошу прощения за из-

лишнее любопытство.

– Ничего... – девушка чуть помолчала и вскинула голову. – Денис Васильевич! А вы напишете мне в альбом свои стихи? Вон и чернильный прибор...

– О, милая Сонечка! С превеликой охотой. Право слово! Подвинув поближе к диванчику небольшой столик с гнутыми ножками, бравый гусар написал на свободных листах несколько своих стихов – и о любви, и о войне, и так... на общие темы.

– Ах, Денис Васильевич, ах!

Восторженно ахнув, Сонечка вдруг бросилась Денису на шею и крепко чмокнула в губы. Поцеловала и тут же отпрянула, покраснела. Потупилась, завитый локон упал на лоб... а глаза-то смотрели лукаво!

– Кхе, кхе... вот вы где! – идиллию прервал Арсений, поднявшийся в гостиную с неким молодым человеком, коего тотчас и представил в качестве своего старинного друга.

– Позвольте представить – Вольдемар Северский, местный помещик и мой друг. А еще – поэт! Почти как и вы, Денис Васильевич.

Софья вскочила с дивана:

– Ну, я, пожалуй, пойду. Покажу новые стихи подружкам. А вы поговорите пока!

– Да мне тоже пора бы, – с сожалением молвил Арсений. – Батюшка просил. Да-да, господа, прошу извинить – я вас ненадолго оставляю.

Поклонившись, молодой человек резво сбежал по лестнице вниз.

— Там, внизу, играют, — чуть улыбнувшись, сообщил Вольдемар. — А я, увы, не игрок. Не везет в карты, и батюшке моему не везло.

— Моему тоже, — Давыдов по привычке хотел было пригладить бороду... да не нашел таковой вовсе! Ну, а как же — перед балом побрился, оставив только усы. Борода дело наживное — отрастет.

— Арсений сказал — вы пишете стихи, Вольдемар?

— Ну... вряд ли это можно назвать стихами. Однако да, пишу. Вернее сказать, пытаюсь.

Северский развел руками. Большие, чуть оттопыренные, уши его покраснели, тонкие губы скривились — вот-вот заплачет. Вообще, новый знакомец чем-то напоминал большого ребенка: неловкий в движениях, пухлый, правда, довольно рослый, выше Давыдова на голову. Круглое дружелюбное лицо, светлые короткие волосы, белесые ресницы, длинный породистый нос. Вроде бы — рохля, но все же, несмотря на общую неловкость, неприспособленность, чувствовалась в этом еще достаточно молодом человеке какая-то внутренняя, а, впрочем, и внешняя, мускульная, сила.

Вольдемара нельзя было бы назвать смазливим, но все же какая-то притягательная приятность в нем имелась, такое же скрытое обаяние, как и у Арсения.

— Я, видите ли, с июля здесь, — улыбнулся господин Се-

верский. – Имение у меня под Смоленском. Пришли французы, спалили. Я уехал, бежал... хотел в Москву, в ополчение. Да вот по пути заболел, слег с лихорадкой. Думал, все уже... Да вот спасибо Половцевым – выходили. Теперь вот намерен пробираться опять в Москву... Или здесь, к Бельскому в ополчение. Вы ж ему карт-бланш дали! А у меня, сказать по чести, руки рвутся врагов бить!

Денис покусал ус:

– Ну, коли уж руки рвутся – тогда к Бельскому. Как еще до Москвы доберетесь? Да и что там – бог весть...

Об оставлении Москвы Давыдов узнал совсем скоро, буквально на следующий день, здесь же, в Юхнове, точнее говоря в его окрестностях. С грустным известием сим явился в Юхнов сын местного предводителя дворянства, лихой уланский майор Степан Храповицкий, коего Денис помнил еще по прусскому походу. Они и нынче встретились, как старые друзья, обнялись, расцеловались...

– Так что сдали французам Москву, – со вздохом поведал Храповицкий.

Известие сие, несомненно, сильно огорчило бы Дениса Васильевича... истинного Дениса. Однако Дэн все-таки прекрасно знал, чем все дело закончится, зачем «Москва, спаленная пожаром, французам отдана». Так что бравый гусар при этом известии особенно не расстроился, лишь немного

погода настигла его по-настоящему недобрая весть о двух смертях – генерала Якова Петровича Кульнева и князя Петра Ивановича Багратиона. Вот здесь Дэн по-настоящему за-тосковал и пару дней вообще не мог никого видеть.

Однако же боевая обстановка взяла свое, отряд (или, как тогда называли – «партия») Дениса Васильевича Давыдова – теперь уже полковника – разросся до вполне приличных размеров. Учитывая прибившихся ополченцев и казаков генерала Шепелева, теперь стало возможным планировать и крупные операции... чем Денис и занялся уже в самое ближайшее время.

Доверенные лица, глаза и уши партизан, нынче были повсюду! Узнав от своих соглядатаев о появлении возле Вязьмы тяжелого артиллерийского обоза, Давыдов тотчас решил немедленно напасть на оный, разжиться боеприпасами и артиллерией – буде сыщутся у врага легкие полковые пушки.

Налет был страшен! Партизаны вынеслись на обоз сразу, как только заметили. Завязался бой, взбороздили небо ядра, засвистела над самой землею картечь.

– Быстрей, быстрей, братцы! – собственным примером увлекал своих партизан Денис. – В быстроте да лихом неотвратном натиске наша сила. Особенно сейчас.

Около сотни французских солдат залегли с ружьями вдоль телег, выпалили... положили несколько человек. Произвести следующий залп Давыдов врагам не дал! Вынесся, взял

в сабли да на казацкие пики!

Партизаны рубили, кололи и почти не стреляли, словно битва происходила в какой-то уж совсем невообразимой древности, когда надежда была лишь на меч да копье. Ну да копье, не казацкая или уланская пика, пикой-то управлять не каждому дано – тут и конь должен быть выезженный, справный, и всадники – умелые. Как казаки... Любо-дорого было смотреть, как эти храбрые парни орудуют пиками! Крутят их, словно шесты в у-шу, колют, бьют!

– Ура, братцы!

– Вот вам за спаленную Москву!

– За веру, царя и Отечество!

– Ура-а-а-а!

С первой линией охраны было покончено в пару минут. Видя такое дело, остальные французы предпочли сдаться. Шесть офицеров. И около трех сотен солдат! А уж сколько полезного добра оказалось в военных фургонах! Двадцать подвод с провиантом и фуражом, дюжина – с боеприпасами: порохом, ядрами, свинцом...

– Славная победа, господин полковник! Вот ведь, право же, славная! – словно ребенок, радовался корнет. Впрочем, он и был ребенок – пятнадцать лет... Однако же по тем временам – все же уже взрослый. Ратник. Воин. Гусар. И – лихой партизан, вот уж этого у Коленьки не отнимешь, недаром Денис Васильевич представил его к награде первым же,

отправленным самому Кутузову рапортом. Что и говорить – гусар гусаров, партизан. Вот еще бы усы поскорей выросли...

С командованием была налажена постоянная двусторонняя связь, с коей доставили и рескрипт о присвоении Давыдову звания полковника, и благодарственное письмо от генерала Коновницына, дежурного генерала генерального штаба. В сием письме генерал благодарил партизан за проведенные ими действия, не только от себя лично, но и от имени главнокомандующего, Михаила Илларионовича Кутузова.

«Партия» лихого гусара быстро пополнялась людьми, в основном – бывшими пленниками, освобождаемыми во время рейдов – «поиска». Эти изможденные люди всей душой ненавидели врагов и стремились остаться в отряде. Давыдов не противился, правда вот, пришлось одеть напросившуюся «пехоту» в трофейные французские мундиры, правда, фуражки старались нацепить свои – уж если не армейские, то хотя бы какие-то статские картузы.

Утром пришла весть о еще одном обозе, большом и довольно хорошо охраняемом. Весть сию принес невзрачный парень в темно-зеленой охотничьей куртке – помещичий сын, недоросль, ополченец из отряда отставного капитана Бельского.

– Обоз, говоришь? – Денис Васильевич задумчиво раскуривал трубку. – Большой?

– Большой, господин полковник, – тряхнув белобрысою

челкой, уверенно закивал ополченец. – Дюжины три фургонов! Идет к Москве. Значит – амуниция, боеприпасы, фураж и все такое.

– Соображаешь! – партизанский вождь одобрительно кивнул и выпустил из трубки густые клубы зеленого табачного дыма.

Покраснев от похвалы, недоросль гордо выпятил грудь и, спохватившись, поведал о «славной виктории» ополченцев:

– Фуражиров взяли, господин полковник! Вместе с возами. Они про тот обоз и поведали.

– Возы поведали? – пошутил Денис.

Парень растянул толстые губы в улыбке:

– Не, не возы. Фуражиры.

Упускать столь богатую добычу Давыдов, естественно, не собирался. Для быстрого натиска людей хватало, оставалось лишь одно – не медлить. Выстроив «партию», полковник кратко изложил задачу. Партизаны развеселились – порох с ружьями, продовольствие, фураж – худо ли? Тем более осень – теплая одежда бы не помешала, хотя бы французские шинели, крестьянских армяков на всех не хватало, тем более – на вновь прибывших.

– Мы ж тоже вам поможем, господин полковник! Вместе нападём, – сверкнув глазами, уверил недоросль – звали, его, кстати, Феденькой, и сей славный выюнош приходился родным племянником командиру юхновского ополчения от-

ставному капитану Бельскому.

Румяный поручик Дмитрий Бекетов, услышав таковые слова, расхохотался:

– Уж с ополченцами-то нам никакой Бонапарт не страшен! Особенно – с господином Бельским.

Подгоняя своего конька серой «мышастой» масти, Феденька ехал в первых рядах и указывал дорогу.

– От юхновского тракта налево... Вот тут... Дальше все прямо – во-он до тех елок. А там уж увидим.

Узкая песчаная дорожка, взбираясь на пологий холм, скрывалась в ельнике, за которым открывалась лощина, полная красно-желтых кленов и усыпанных кроваво-алыми гроздьями рябин. Лощиной этой как раз и тянулась старая Смоленская дорога, ведущая к оставленной неприятелю Москве.

Над дорогой клубилась серовато-желтая пыль, поднятая копытами коней и колесами провиантских фургонов. Обоз!

Вытащив зрительную трубу, Давыдов приложил окуляр к правому глазу, с ходу насчитав около тридцати возов. Арьергард прикрывала пехота, впереди же, в авангарде, виднелись желтые гусарские мундиры...

– В желтом у нас кто? – скосил глаза полковник.

Поручик Бекетов подкрутил усы:

– Должно быть, гусары генерала Жакино. В составе армий Мюрата. Верно, подкрепление. Рубаки лихие! Впрочем, как и их славный маршал.

– Да, Мюрат – известный храбрец, – покивал Денис. – Истинный рыцарь.

– А в арьергарде – поляки, – наострил глаза юный корнет Коленька Розонтов.

Бекетов ухмыльнулся:

– С чего ты взял, что поляки, о, мой юный друг?

– Так по мундирам видно, – уверенно покивал корнет. – Темно-синее сукно, красные эполеты, угловатые кивера. Точно – поляки. Вислинский или Северный легион. Я их еще из-под Смоленска помню.

– Жолнежи, значит, – полковник холодно прищурился и посмотрел вдаль. – Эти тоже до последнего драться будут. Ладно! Что время зря терять? Вперед, братцы! Вперед.

Быстро спустившись с холма, партизанская армия растеклась по ложине, с ходу забирая обоз в клещи. Казаки и подроспевшая пехота атаковали арьергард, гусар же Денис бросил на французскую конницу в желтых мундирах. Грянули выстрелы, один за другим плыли над дорогой облачка порохового дыма.

Всадники помчались галопом. Ударил по лицам ветер. Разрядив на ходу пистолеты, Денис выхватил саблю – желтые гусары генерала Жакино уже оказались рядом, вот! Уже видны были их злые глаза, скалящиеся лошадиные морды... А вот и зазвенели сабли! Враги сшиблись, сошлись, завязалась лихая рубка.

Давыдов от плеча рубанул одного, другого... сам подставил клинок под удар. Кто-то совсем рядом выпалил из пистолета. Пуля просвистела над левым виском, кто-то вскрикнул... Бекетов? Корнет? Нет, те дрались отчаянно чуть в стороне.

Снова удар. Такой силы и ярости, что из клинков выскочили искры! Широкогрудый француз в желтом доломане орудовал саблей, словно профессиональный бретер – охотник до дуэлей. Впрочем, и Денис Васильевич был не лыком шит... Удар сыпался за ударом, в ушах звенело, будто на колокольне в благовест! Снова ударил выстрел. Ахнуло совсем рядом, противно чмокнула пуля, и полковник почувствовал, как падает, заваливаясь на бок, его боевой конь.

Убили, убили лошадушку, супостаты... или ранили, бог весть... Проворно выпрыгнув из седла, Давыдов подставил саблю... Торжествуя, вражина поднял коня на дыбы, занес над головой саблю для последнего, страшного, удара, которыми обычно разрубают человека пополам – от плеча до пояса. Сверкнул на солнце клинок, крыльями взметнулся за плечами француза желтый ментик...

Давыдов не ждал удара, отпрыгнул, метнулся в сторону. Где-то рядом вновь грянул выстрел. Враг схватился за грудь, зашатался в седле... Выпав из враз ослабевшей руки, повисла на темляке сабля.

Готов!

Денис обернулся, поискал глазами спасителя. Какой-то

мальчишка в синем двубортном сюртуке и узких французских панталонах, заправленных в невысокие сапоги, подскокил к нему с пистолетом в руке. Сверкнул синими глазами:

– Где ж ваша лошадь, полковник?

– Софья! – узнав, ахнул гусар. – Вы... как здесь?

– Я тоже в ополчение записалась! И мы к вам на помощь... пришли... Моя лошадь – вон там, в кустах...

– Так скачите же прочь! – Денис закричал и хотел было выругаться, да постеснялся. Только вот этой рафинированной барышни сейчас здесь и не хватало! Изрубят ведь... или попадет под шальную пулю.

– Прочь? – девчонка засмеялась. – Ну уж нет! Коль пошла такая сеча... Сейчас я перезаряжу пистолет и...

Не успела! Еще два конника, вырвавшись из гущи сражающихся, понеслись прямо на сладкую парочку. Денис отбил атаку одного... другой оказался сзади... Вскинул саблю... и вдруг охнул, ни с того ни с сего заваливаясь на бок.

– Вот тебе! – яростно выкрикнула Сонечка. – Прочь с нашей земли! Прочь...

Задрожала под копытами земля. На выручку своему командиру уже неслись партизаны. Коленька Розонтов, поручик Бекетов, осанистый штабс-ротмистр Бедряга... Налетели, словно вихрь, окружили...

– Лошадь убили, – пояснил Денис, и штабс-ротмистр тотчас же отдал ему свою. Все правильно: полковнику нужно было глянуть на все, оценить обстановку. Вскочив в седло,

Давыдов махнул рукой Сонечке и помчался на холм. Остановился на склоне, повернул коня, цепко вглядываясь в картину боя.

Тут подоспели и сигнальщики, и вестовые...

– Хорунжему! Казаков из засады – на арьергард. Пусть потреплют жолнежей!

– Есть, господин полковник.

– Ополченцы, если хотят помочь, пусть не бегают бестолково по полю. Передайте Бельскому, чтоб наступали по центру обоза. В рукопашную лезть не надо, пулями бить.

– Передам, господин полковник, – звонко отрапортовала Сонечка.

Давыдов вздрогнул:

– Господи... Вы здесь?

– Сами же за собой позвали!

– Ровно бы других вестовых не найти... – себе под нос пробурчал гусар.

Девушка насторожилась:

– Что-что?

– Нет-нет, ничего, это я так... Скачите! Хотя постояйте-ка... Это вы того француза так?

– Я! – сверкнув глазищами, приосанилась Сонечка. – Ножом. Я хорошо метая. В детстве еще научилась у цыган.

– Надо же...

– Так я поскачу! Передам приказ...

– С Богом!

А что Денис мог еще сказать? Прогнать эту взбалмошную девчонку с поля боя куда подальше? Так не послушает. Тоже еще – ополченец... Как хоть Бельский ее взял? Впрочем, барышня, верно, особо не спрашивала. Явилась с лошадью, с пистолетами... С ножом! Цыгане кидать научили, вишь ты.

Ничего не сказал Денис. Лишь перекрестил отъехавшую Софью да помолил Господа...

Между тем схватка уже подходила к концу – отсюда, со склона холма, это было хорошо видно. Конные партизаны уже взяли в кольцо желтых гусар Жакино, заметно поредели ряды польских жолнежей – пехоты, еще немного, и...

– Господин полковник! – один из вестовых вдруг с тревогой указал куда-то на восток, где над лесом поднималась густая полоса пыли. – Французы! Подмога обозным. Прикажете трубить отход?

– Погоди-ка, – покусал губы Денис. – Французы могли бы только с запада прийти. Из Смоленска. А с востока... что же они отступают, что ли? Больно уж рано! Хотя... А ну-ка, за мной... Глянем, увидим, разберемся.

Минут десять неслись гусары. Нырнули в лес, спешили, выглянули из-за елок. По дороге пылила конница! Судя по одежке – казаки!

– Кажись, свои, ваш-бродь!

– Сам вижу, что свои. Ладно! Из лесу, ровно тати, выскакивать не будем. Поскачем обратно – устроим встречу.

Конники оказались казаками из двух донских полков, отпавленных командованием Давыдову на подкрепление. Так что теперь под началом бравого гусара оказалась целая партизанская армия, с которой можно было уже не просто перехватывать обозы, но и громить регулярные вражеские части, захватывать – освобождать – города. Пусть пока небольшие, но все-таки.

Вечером к Денису Васильевичу подошли ополченцы, попросились в отряд. Поэт Вольдемар Северский, помещичий сын Арсений Половцев... и его юная сестра Софья. Последнюю Давыдов ни за что не хотел брать – опасно.

– А у нас, у Бельского, не опасно? – резонно возразила девушка. – Пожалуй, куда поопаснее будет. У вас партия большая, а у Бельского что? Все одно с вами вместе действовать!

– Вот то-то и оно! – Денис поднял вверх указательный палец, покачал им наставительно и еще раз повторил: – Вот то-то и оно. Все равно вместе. Так какая вам разница, кто ваш непосредственный командир-начальник?

Видя непреклонность полковника, вся троица в задумчивости отошла к соседнему костерку... а потом потянулась обратно к Давыдову – уже поодиночке.

Плыл чудесный сентябрьский вечер, тихий и пока еще теплый. Темно-синее небо еще расплывалось на западе оранжево-золотистым закатом, однако звезды уже начинали мерцать все ярче, и все ярче сверкала луна. Партизаны, хоть и

уставшие, не торопились спать – больше жались к кострам, поначалу пели протяжные песни, а ближе к ночи, утомонясь, просто разговаривали, болтали о том, о сем. Кто-то вспоминал недавние схватки, кто-то травил байки про Наполеона, а кое-кто из старых гусар с грустью рассказывал об Аустерлице.

Попив у костра горячего, с мятою, чая, заваренного верным ординарцем, полковник направился в палатку – спать. Тут-то его и нагнал Арсений.

– Я не хотел при всех, господин полковник... Знаете, Бельский не тот человек, которому хотелось бы подчиняться... Совсем-совсем не тот! Он не очень-то любит нашу семью... мы даже как-то судились из-за сущего пустяка. Прости, господа – из-за старого пруда, затянутого тиной. Там всего и добра-то, что одни лягушки, однако же господин Бельский ни за что не хотел уступать. Едва потом помирились. Сонечка, сказать по чести, капитана до сих пор терпеть не может! И в отряд-то его пошла только ради того, дабы отечеству быть полезной... Ну, ведь верно, скоро же наступление! Ведь не вечно ж Бонапарт будет сидеть в Кремле! Погонят скоро французов... даст Бог, с нашей помощью... а потом Сонечка... Как французов прогоним – она домой, в усадьбу... Поверьте, Бельский уж такой человек! Картежник, фат... и на женщин падкий, несмотря на то, что женат. Вот я за сестру и опасаюсь. К тому же она прекрасно знает польский! У нас была гувернантка, пани Катаржина...

Выслушав, Денис махнул рукой – ладно. Пусть уж будут ополченцы при нем, и впрямь – пожалуй что безопаснее. Да и, правду сказать, Сонечку приятно будет каждый день видеть. Тем более – польский язык... Допрашивать пленных поляков – вполне сгодится.

Окрыленный удачею, молодой человек поспешил обрадовать сестрицу. Однако же Давыдов не сразу добрался до палатки. Подошел Северский, с той же самою просьбой. Круглое лицо его дышало решимостью, тонкий породистый нос дрожал, словно у почуявшей добычу гончей.

– Поймите, господин полковник... Я... я хочу не просто прогнать врагов из уезда... Я хочу бить их до самого конца! Чтоб было неповадно, чтоб... Ополченцы же не пойдут до самой границы, нет! Нет, конечно, сейчас-то я могу остаться и у капитана. Но, когда все начнется, когда наши войска начнут наконец наступать...

– Я понял вас, Вольдемар, – покивал Денис. – Что же, похвальное желание.

– И вот еще что... – трепетнули белесые ресницы. – Откроюсь только вам, Денис Васильевич! Comme un poète – poète. Как поэт – поэту! Я, может быть, соберусь написать оду обо всей этой войне... Вы можете смеяться, но, право, это было бы славно. И, быть может, вы, как человек в этом деле многоопытный, кое в чем направили бы меня... Не осмелюсь просить, но все же...

Уговорил и этот! Что ж, истинный поэт, верно, и впрямь

должен пройти всю войну, прочувствовать все лично: и горечь поражений, и сладость побед.

Получив согласие командира, Северский не рассыпался в благодарностях. Просто крепко пожал Давыдову руку да отправился спать.

Денис тоже забрался в палатку, растянулся на накрытом шинелью лапнике, однако же далеко не сразу заснул. В голову назойливо лезли мысли о юной красавице Сонечке Половцевой, так похожей на старую любовь Дэна еще в том, своем мире... который, положив руку на сердце, молодой человек уже давно перестал считать своим. Ведь здесь, в этом времени и в этом теле Денис находился уже семь лет! Семь лет... Надо же! И все семь лет – война! Пруссия, Финляндия, Молдавия... А по возвращении домой – пиры, стихи, песни. Какое уж тут прошлое, вернее – будущее! Даже сны из той поры снились все реже и реже.

Нет, вот если встретить бы какую-то ведьму, которая, может быть, смогла бы... Мало ли что говорила юная лапландская колдунья! Мол, останешься здесь навсегда и будешь счастлив... Да мало ли что она там плела! Может, врала... Хотя нет... судя по глазам – нет. Так ведь и правда же, ежели он, Дэн, здесь очутился – так, верно, не зря! Верно, должен он выполнить некую миссию, а уж какую именно – сам для себя решить. Не тащиться тупо в русле судьбы гусара, а стать куда более действенным! Совершить что-то такое, чего в официальной истории не было: пленить Наполеона, поско-

рее закончить войну... А еще... еще... Отменить крепостничество?! Ну, это даже для посланца из будущего – слишком. Он что, государь-император? Что-нибудь поскромнее надобно... Скажем, жениться на Сонечке! Настоящий-то Давыдов на ком там был женат? А черт его знает, на ком... Литературу начала девятнадцатого века в Академии преподавали не то чтобы плохо, но без излишних подробностей, больше напирая на «золотой фонд» – Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя – а уж никак не на гусарских поэтов. Ладно, пусть оно пока будет, как будет. Вот только Сонечка... Ишь ты – цыгане научили ножи метать! Что и говорить – крутая.

Скучать отряду полковника Давыдова не приходилось. Кроме собственного «поиска» – мародеров, фуражиров, обозов, – еще нужно было выполнять разного рода приказы, регулярно доставляемые из штаб-квартиры; что-то прояснить, разведать или даже уничтожить какой-то значительный французский отряд. Кроме Давыдова, подобные же «партии» были у Сеславина, Фигнера и других, и никто не сидел без дела. Действовали, и весьма активно, так что иной раз и отдохнуть было некогда! Именно армейские, профессиональные, партизаны гвоздили врага, не давая ему ни отдыха, ни покоя! Армейцы. Давыдов, Сеславин, Фигнер... А не какая-то абстрактная «дубина народной войны», столь блистательно выписанная Львом Толстым в «Войне и мире». Какая там, к черту, дубина! Не пустить французов в свою деревню, побить мародеров, разграбить небольшой обоз или

убить заплутавших вестовых – это да, это крестьяне – всегда пожалуйста! А вот что-то еще... тем более – за пределами родной округи... Ох, и много же сил надо было приложить, чтобы вытащить мужичков на какую-то большую операцию, непосредственно не касающуюся их родной деревни... Кстати, с ополченцами дело обстояло ничуть не лучше, поэт Вольдемар Северский в этом вопросе оказался абсолютно прав. Так что не «дубина народной войны», а именно армейские партизаны ковали победу!

Где-то к концу сентября Давыдов вновь получил секретное указание из штаб-квартиры, а точнее, лично от директора Высшей воинской полиции барона фон Розена. По долгу службы Денис был прекрасно осведомлен о том, что под скромной вывеской армейской полиции скрывалось отделение военной контрразведки. Сам фон Розен считался весьма способным на сем поприще и зря ни от кого ничего не требовал.

В полученном «указании» требовалось как можно скорее выполнить весьма деликатную миссию, а именно – узнать, зачем к Наполеону, до сих пор остававшемуся в захваченной Москве, столь срочно направляется некий маркиз Луи-Жан де Монтегюр, давний друг и приятель Бонапарта, высокопоставленный масон.

Масоны... Об этом тайном ордене Денис, вернее сказать, Дэн, справлялся еще пару-тройку лет назад, в своих личных

целях, когда все же пытался найти выход к своей прежней жизни. Ничего тогда не сложилось, но все же кое-что Давыдов о масонах узнал и сейчас вот припомнил. Масоны, или «вольные каменщики». Некая тайная псевдорелигиозная организация, имеющая множество отделений – «кораблей» или «лож», ее высшими посвященными «мастерами» обычно являлись сильные мира сего... как, к примеру, столь нелюбимый Давыдовым император Павел Петрович. Сильные мира сего обычно использовали «ложи» в своих корыстных, а чаще корыстно-политических целях. О «мировом» масонском правительстве, как и о мировом заговоре масонов, всерьез говорили разве что на российском РЕН-ТВ... да и там, честно говоря, не всерьез, а опять же – в корыстных (корыстно-рекламных) целях.

Тем не менее нельзя было не признать, что в начале девятнадцатого столетия «вольные каменщики» имели большое влияние во властных кругах. Был ли масоном Наполеон Бонапарт? А черт его знает! Однако в его ближайшем окружении высокопоставленных мастеров различного рода «лож» вполне себе хватало. Другой вопрос, осмеливались ли они советовать императору? Разве что так, втихаря... С другой стороны, сам брат Наполеона Жозеф Бонапарт возглавлял масонскую ложу «Великий восток Франции»! Брат! Это вам не хухры-мухры...

«Маркиз сей остановится на несколько дней в Вязьме, у некоего полковника Фурнье... – уединившись, шепотом чи-

тал Денис. – Передвигается в бывшем королевском дормезе».

Полковник Винсент Фурнье, к слову сказать, был правой рукой генерала Бараге-Дильера, французского губернатора Смоленской губернии.

«...после чего, под большой охраной проследует в Москву, к Бонапарту с неким посланием от “общества вольных каменщиков”, кое нам следует знать».

Прочитав, Давыдов присвистнул. Вот так вот, ни больше, ни меньше. Выкрасть у масона письмо, снять копию, положить обратно – и все это ловко, незаметно и быстро. Всего-то и дел!

Нужно было кого-то отправлять в Вязьму... или, куда лучше, отправиться самому, учитывая всю важность и секретность дела. Решив так, Денис задумался, прикидывая, кто бы мог почти беспрепятственно передвигаться в глубоком тылу французских войск? Да ясно, кто! Коммивояжеры, маркитанты, снабженцы. Не только французы – австрийцы, итальянцы, поляки... даже сочувствующие Бонапарту русские (находились и такие), в общем – всякий сброд!

Вот кого-то из этого сброда и нужно было выловить, о чем полковник тотчас же направил устный приказ по всем своим «партиям».

– Может, даже и сейчас кто-нибудь подходящий из пленных есть, – инструктировал Денис Васильевич вестового – корнета Коленьку Розонтова. – Ты пробегись тут, по округе.

К Бельскому в отряд загляни, в деревни.

Кроме Розонтова, и еще были посланы люди, в том числе и Арсений. Денис послал бы и Северского, да тот еще загодя отпросился в город по каким-то своим делам. Ну, нет и нет – обошлись и без него. Посланцы вернулись часа через три, как раз к обеду.

– Были, были подходящие людишки в Токареве, – радостно доложил корнет. – Один – маркитант, другой – снабженец, фуражир. Одного мужички на вилы подняли, другого в землю зарыли – живьем.

– Это как – живьем? – нахмурился Дэн.

Розонтов пожал плечами:

– А так, господин полковник – лопатами. Дьячок местный сказал, дескать, французы все – сатаны дети. Так что с нечистой силой делать? Водицей святой побрызгали – и в землю. А кто попытался бежать – того вилами.

– Круто, – покачал головой Денис. – Что уж тут говорить. Эх, зря они так! Маркитант бы нам сейчас пригодился.

О ситуации в ополчении Бельского доложил Арсений. Бледное лицо его при этом сияло довольством, тонкие губы кривились в улыбке.

– Есть там некая парочка, муж с женой. Обрусевшие поляки. По фамилии Корчевские, коммерсанты из Вильно.

– Так-так-та-ак! – насторожившись, Давыдов азартно потер руки.

– У них даже имеется рескрипт, подписанный самим Ба-

раге-Дильером!

– Губернатором?!

– И в Вязьме они раньше не бывали!

– Вот это славно! Так нам, похоже, сvezло.

На следующий день, с утра, покатила по лесной дорожке пароконная бричка. Поскрипывала, покачивалась на ухабах, но лошадки оказались резвыми: уже к обеду, миновав Смоленскую дорогу, бричка свернула к Вязьме.

– Эй, кто вы есть там? Бумагу давай! – на въезде в город застил дорогу будочник, похоже – немец или австрияк. Вытянутое лицо с красным носом, осоловелый взгляд... и сильный запах перегара.

– Кор... чев... ские, – будочник прочел по слогам, – месье Андре... и мадам Ванда. Поляки?

– Из Вильно, – «месье Корчевский» попытался по привычке пригласить бороду... или подкрутить усы. Увы, ни того, ни другого нынче не имелось – в целях конспирации пришлось сбрить.

В тех же целях Денис взял с собою и Софью – «рескрипт» был выписан на двоих, к тому же девушка неплохо знала все здешние места и, самое главное, бегло говорила по-польски – гувернантка научила.

– Co wy tam tak długo, panie władzo? Czy wy nie umiecie czytać? Podpis pana gubernatora nie rozpoznałeś? (Что вы там так долго, господин офицер? Вы что, не умеете читать? Под-

пись господина губернатора не разглядели?)

Сонечка лихо сыграла недовольство и даже некий вполне себе шляхетский гнев. Раскраснелась, дерзко стрельнув синими глазищами. В простом сером платье и дорожном плаще из толстого сукна, девушка все же надела модную шляпку, ранее принадлежавшую истинной пани Корчевской. Шляпка должна была показывать всем: ее обладательница – дама не из простых.

– И куда направляетесь? – служака был неумолим.

– Мы записаны на прием к полковнику Фурнье! – влет соврал Давыдов. – Знаете такого?

В ладонь красноносого упала старая серебряная монетка – эсю. Упала – и исчезла.

– Проезжайте, – будочник тотчас же вернул рескрипт и повернулся к давно дожидавшейся крестьянской повозке.

Копыта запряженных в бричку лошадок зацокали по булыжной мостовой. «Супруги Корчевские» искали подходящий постоянный двор. Желательно, чтоб окна его опочивален выходили на здание городской думы.

– Нам на центральную площадь надо, – негромко промолвила Сонечка. – Во-он тот поворот, где трактир без стекол.

Он был и без крыши – этот трактир, – судя по всему, сорвало взрывом артиллерийской бомбы. Да и вообще, захваченная французами Вязьма представляла собой довольно печальное зрелище. Грязные, давно не метенные улицы, разрушенные дома, загаженные скверы. Повсюду запах кон-

ского навоза и тлена. Прямо на глазах у прохожих пятеро французских солдат, поставив длинную лестницу, деловито сшибали золоченые кресты с православного храма!

– Вот уж поистине – исчадия ада! – украдкой перекрестилась Софья. – Правы мужички, ох правы...

Нужная гостиница обнаружилась на центральной площади слева, выходя фасадом как раз на ратушу, кою занимала нынче штаб-квартира полковника Фурнье, заместителя губернатора, генерала Бараге-Дильера, по всему уезду.

Как и во всех провинциальных гостиницах с самого порога шибал в нос неистребимый запах кислых щей. Внизу, как водится, располагался трактир, на втором этаже – меблированные комнаты для богатых путешественников, а общие опочивальни для народа попроще – на третьем, под самой крышею.

Сонный приказчик-портье, подремывавший за трактирной стойкою, при виде посетителей нисколько не оживился, лишь безразлично приоткрыл левый глаз... и снова его закрыл, даже не спросил – чего изволите? По стойке резво пробежал большой рыжий таракан. Сонечка фыркнула и покрепче ухватила «супруга» за локоть.

– Hé, arrêtez de dormir! (Эй, хватит спать!) – Сняв перчатки, Давыдов пристукнул по стойке ладонью. Любопытный таракан ничуть не испугался, лишь отбежал в сторону да притаился возле чернильного прибора из позеленевшей бронзы. – Послушай-ка, любезный! – нагнувшись, гусар

гаркнул приказчику в ухо. – Мы бы хотели снять комнату!

– Под лестницей – два рубля! – нелюбезно указал рукой портье. Рыжий, с торчащими в стороны усами, он и сам чем-то напоминал таракана.

– Два рубля?! – ахнула Сонечка. – Под лестницей? Раньше по семьдесят копеек брали.

– То раньше, – приказчик философски вздохнул и открыл уже и другой глаз. – Можете и французскими деньгами заплатить – мне все равно.

– А если ассигнациями? – Денис с готовностью запустил руку за отворот сюртука.

– Можно, – кивнул рыжий. – Тогда – восемь рублей с вас. Если ассигнациями.

Давыдов покачал головою:

– Однако – курс! И это за «под лестницей». А меблированные комнаты сколько стоят будут? Не сомневайся любезный, деньги, слава богу, есть.

Вот тут «таракан» оживился:

– С пансионом брать будете?

– С пансионом.

– У нас только щи да каша.

– Все равно. Но комнату лучше с видом на площадь. Не любим, знаешь ли, по задворкам.

«Пан Анджей» вытащил из-за пазухи целый ворох ассигнаций, экспроприированных у французских мародеров.

– Ассигнациями будет... будет – тридцать два рубля!

– Вот вам! И вот... еще сверху... тебе лично, любезный! – Денис деловито отсчитал деньги.

– О, господа мои! Прошу, прошу же, – снимая со стены ключ, возликовал приказчик. – Это наш самый лучший номер. Я могу, коли надобно, и водицы согреть... За особою плату.

– Грей! В обиде не будешь.

– Тогда идемте, господа мои. Я вас провожу... Да! А вещички ваши...

– В бричке. Дорожный сундук и два саквояжа.

– Сей же час пошлю мальчика!

«Лучший номер» оказался той еще комнатенкой! Узенькой, как пенал, с большой скрипучей кроватью, угловым столом и колченогими стульями. Хорошо хоть большое трехстворчатое окно выходило на площадь, хоть в этом прощелыга приказчик не обманул.

– Ну, нам тут не жить, – успокоил свою спутницу бравый гусар. – Дождемся гостя и...

– Как же мы его узнаем?

– По дормезу, душа моя! По дормезу и суете.

Дормезом в те времена называлась большая дорожная карета, оснащенная разного рода столиками и нишами, в которой можно было и принимать пищу, и что-то писать, и спать.

– Что-то табаком пахнет, – девушка вдруг наморщила носик. – А вы ведь, Де...

– Тсс! – приложив палец к губам, Денис красноречиво указав на стены.

– Ах, мой дорогой супруг... – одарив гусара улыбкою, перешла на польский Софья.

– Видно, здесь есть отверстие... Чтобы послушать... – быстро осмотрев комнату слева направо, Дэн перешел на шепот и указал на дырку в портьере. – Впрочем, нас будут не только подслушивать... Еще и подсмострят!

– Что ж, – так же тихо откликнулась Сонечка. – Будем вести себя, как муж с женою. Чтоб не навлечь подозрений, ага.

Тут как раз появился лохматый запыхавшийся мальчишка с баулами. В крестьянском армячке, под которым виднелась посконная расстегнутая рубаха, босой.

– Сундук ваш посейчас принесу, – поставив саквояж на пол, поклонился парнишка. – Уж больно тяжел.

Софья скривила губы:

– Что-то ты долго, парень.

– Так это... пока дотащил.

Получив монетку, парнишка ушел, и Давыдов, поставив Сонечку спиной к портьере – закрывать дырку – внимательно осмотрел саквояжи. Их вскрывали, это понятно, впрочем, в дорожных вещах разведчиков ничего подозрительного не было. Ну, не считать же подозрительным пару пистолетов и трость с встроенной в нее шпагой? Предосторожность отнюдь не лишняя по нынешним лихим временам.

Заказав завтрак (или, скорее, уже обед) в номер, молодые люди наскоро перекусили и ближе к вечеру вышли на променад. Прошлись под ручку по главной площади, заглянули в одну из еще действующих церквей с разграбленным иконостасом и, пользуясь прекрасной погодой, прогулялись вдоль витиеватой ограды особняка городской думы – ратуши. Видно было, что в особняке кого-то ждали: по двору сновали какие-то мастеровые и солдаты, что-то подметали, закапывали, подкрашивали.

– Верно, завтра и прибудет наш маркиз, – негромко промолвил Денис. – Или даже сегодня ночью... Хотя нет – в темноте побоится ехать.

– Как мы прочтем послание?

Софья прищурилась, окидывая внимательным взглядом все подступы к особняку и внутренний двор с небольшим садом и узенькими дорожками. Солдаты, сбросив мундиры, деловито посыпали дорожки желтым речным песком.

– Здесь везде часовые, – нахмурилась девушка. – Даже не представляю, как мы проникнем внутрь?

– Может быть, и не придется никуда проникать, – задумчиво протянул гусар. – Нам нужно срочно разузнать о маркизе всё! Всё, что сможем.

Сонечка с сомнением покачала головою:

– И как же мы это все разузнаем?

– Просто посидим в трактире, где собираются господа французские офицеры.

– Вряд ли они в нашем будут...

– Поищем. Найдем.

Шуршали по мостовой уносимые ветром бурые опавшие листья, стаи перелетных птиц, надрывно крича, потянулись к югу. Ночи уже были холодными, все чаще шли дожди, а по утрам иногда высыпала серебристая изморозь.

Искомый трактир «Корчевские» отыскиали быстро – достаточно было просто постоять на углу площади да посмотреть, куда направляются господа в разноцветных мундирах. Невдалеке, на широкой улице, выходящей к площади, в тени высоких золотистых лип расположилось весьма уютное заведение под названием «Restaurant». Двери в заведение, похоже, не закрывались – в них постоянно сновали какие-то люди: офицеры, статские в цветных сюртуках, девушки. Пахло табачным дымом, изнутри то и дело доносился веселый смех.

Переглянувшись, Денис и Софья быстрым шагом направились в «гнездо разврата». Там и впрямь было весело! Сидели, пили, веселились. Играли в бильярд и в карты. Седобородый старик в углу негромко наигрывал на скрипке, ему вторил длинноволосый мальчик на фисгармонии.

– Bonsoir! Quoi voudrez? (Добрый вечер! Чего изволите?) – завидев новых посетителей, тотчас же подскочил служка – официант в зеленой ливрее. Молодой длинноносый парень с гладко выбритым лицом.

«Ему бы в ополченцы, – неприязненно подумал Денис. –

А не тут, у вражин, подвизаться».

Тем не менее Давыдов натянул на лицо улыбку:

– Nous aimerions le dîner. Pas très cher, mais c'est délicieux.

(Мы хотели бы поужинать. Не очень дорого, но вкусно.)

– Alors vous recommande de bortsch russe avec de la crème et le ragoût de veau. De merveilleuses choses! (Тогда порекомендовал бы русский борщ со сметаной и тушеную телятину. Изумительные вещи!) – гарсон изогнулся в угодливом поклоне и указал на свободный столик в дальнем углу зала. – Asseyez-vous s'il vous plaît, messieurs! Пожалте, садитесь.

– Ну, борщ так борщ, – усадив свою спутницу, Давыдов уселся и сам, да не удержался, хмыкнул. – Однако посмотрим, чем у них тут потчуют.

Борщ принесли быстро, как и вино, а вот с телятиной пришлось подождать. За это время ресторан просто переполнился посетителями, и длинноносый гарсон, испросив разрешения, подсадил к «супругам» еще две пары гостей. Двух лейтенантов, кирасира и драгуна, и с ними – девушки... лучше даже сказать – «дамы полусвета».

Давыдов искусал себе все губы – ладно, кирасир, но еще и драгун! Драгун – тяжелую конницу, «ездящую пехоту» – гусары традиционно презирали, считая их откровенно тупыми.

Впрочем, с этими познакомились – раз уж нужно было для дела. Представившись удачливым коммивояжером, Денис угостил французов водкой, заказав сразу четверть, кото-

рую господу тяжелые кавалеристы выкушали минут за двадцать, так что полковнику оставалось только удивляться – вот же, черти, привыкли русскую водку пить!

Слово за слово, завязалась беседа. Кирасир Жан-Пьер оказался из Льежа, а Рене, драгун, из Нормандии, из Кальвадоса. Все хвастал своей яблочной водкой... впрочем, и русскую тоже хвалил.

– La vodka russe est un très, très bon!

– Да, да, – согласно покивал Дэн. – Хорошая. Ну, за императора!

Тут все поднялись, выпили стоя.

– Aimez-vous, les polonais, notre empereur! (Любите вы, поляки, нашего императора!) – усевшись, здоровяк Жан-Пьер закусил водку салом.

– Les russes ont enlevé, nous avons Patrie... Et Napoléon Bonaparte a donné! – вполне в тему высокопарно заметила Софья. – Русские отняли у нас Родину... А Наполеон Бонапарт – дал!

– Oh, oui, oui! Vous avez parfaitement raison, madame! (О, да, да! Вы совершенно правы, мадам!) – драгун Рене одобрительно покивал и снова налил мужчинам водки. Женщины пили вино.

Подружки офицеров оказались особами весьма смешливыми и, выпив, болтали без умолку. Да все болтали, смеялись – Давыдов рассказывал уморительные истории из жизни польских дворян, на ходу переделывая для этой цели ска-

брезные российские анекдоты. Посмеялся и сам, после чего непринужденно перевел разговор на особняк... мол, там что-то все красят, подметают, явно ждут большое начальство.

– Oui, viendra un marquis. Les uns le Joseph Bonaparte! Oui, il est à nous, militaire, n'a aucun rapport... Disons, grand coureur de jupons! (Да, приедет один маркиз. Друг самого Жозефа Бонапарта! Да он к нам, военным, никакого отношения не имеет... Говорят, большой бабник!) – рассмеялся Жан-Пьер.

Бабник – это было очень хорошо! Теперь Давыдов знал, на какой крючок ловить сию жирную рыбку. Все это прекрасно понимала и Софья.

– Я знаю, что должна делать, – шепнула она в танце. – Не беспокойтесь, господин полковник. Сделаю всё!

Музыканты – старик и мальчик – играли менуэт. Потом мальчик запел какую-то грустную итальянскую песню. Пел негромко, проникновенно, время от времени покачивая головою. Темная прядь упала на лоб, в серых глазах застыли слезы.

Впрочем, грустить долго не пришлось. Кто-то из новых друзей ввязался в хорошую драку! То ли кто-то задел кирасира... то ли он кого... то ли вступился за драгуна или за девчонок...

Как бы то ни было, а понеслось! С маху ухайдакав кулаком какого-то нафанфароненного капитана в белом мундире, Жан-Пьер заехал локтем прыгнувшему на него улану, то-

щему и длинному, как жердь. Тут же в драку кинулись все бывшие в заведении, уланы, драгуны же и кирасиры тоже поддержали своих. Со всех сторон доносились звуки ударов, слышались крики, билось бутылочное стекло... Кто-то вышиб дверь головою – вылетел... Вернулся опять – разъяренный, словно бык... Тускло сверкнул палаш...

Видя такое дело, Денис вскочил на ноги и, выхватив пистолет из-за пояса оказавшегося рядом гренадера, выпалил в потолок! Посыпалась штукатурка. Пуля, отрикошетив, впилась в стол.

– Tous les, seigneur. À la fin! C'était la plus glorieuse de la bagarre, mais pour tuer, personne ne il faut. Vive l'empereur! (Все, господа. Конец! Это была славная драка, но убивать никого не надо. Да здравствует император!) – громко завопил Давыдов.

– Vive l'empereur! – Да здравствует император! – этот клич помирил всех. Быстро и сразу.

Жан-Пьер и Рене заказали еще водки, на этот раз выпив за храбрость «месье Корчевски». Ну, а как же – если бы не Денис, потасовка вполне могла бы закончиться весьма плачевно для всех ее участников.

В номере была только одна кровать. Массивная, деревянная, с периной. Матрас местами протерся – лезли перышки. По возвращении молодые люди улеглись спать, особо не раздеваясь, и уснули сразу же – сказывались нервное напряже-

ние и накопившаяся усталость. Правда, уже ближе к утру соратники проснулись от уличного шума. Кто-то стрелял, кричал, кого-то ловили. Кого именно, разобрать было нельзя – едва только начинало светать.

Утром Денис велел служителю нагреть воды и принести кадку: после всех лесных дел Сонечке хотелось хоть немного вымыться. Гостиничный мальчишка, притащив ведро горячей воды, вылил его в кадку и шмыгнул носом:

– Посейчас и второе нагреется. Принесу.

– Что там у вас ночью-то творилось? – зевнув, осведомился гусар.

Служка радостно сверкнул глазенками, видать, ему и самому хотелось все рассказать, посудачить:

– То, барин, не у нас – на улице, у французов. К ним какой-то важный господин приехал, в карете. Карета такая – у-у-у! – парнишка развел руками. – В таких, верно, только цари ездят. Вся блесстит, будто золотая! А в окнах – стекла.

– Так-так, – нетерпеливо перебил Денис. – И что с этой каретой? С важным господином что?

– Напали на него, вот что! – трактирный весело улыбнулся и поковырял в носу. – Разбойники, або эти... партизаны. Цельная шайка! И все – из трактира. Он как-то по-французски называется... Ректо... рикто...

– Ресторан! – подсказала Софья. – И что там за шайка-то?

– А двое музыкантов – старик и молодой выюнош, и еще половой. Носатенький такой, бритый, я его знаю – Василием

звать.

– Василий, значит... – рассеянно протянул Дэн. Вот так иногда и бывает: думаешь о человеке невесть что, а он на поверку героем оказывается!

– Втроем и напали, – между тем продолжал мальчик. – Старик и половой – с пистолетами, а выюнош – на стрёме. Окошко в карете прострелили! Француз прямо оттуда выскочил... тут и стража забегала, стреляли... Старика с половым убили, а выюнош убежал. Небось, схоронился где-то. Сейчас ищут. Солдаты по всем нумерам ходят, заглянут и к вам.

– Ага... – снова протянул Давыдов. – Так, важный-то француз не пострадал?

– Не, даже не ранен. Промахнулись!

Шмыгнув носом, трактирный вышел в коридор. Снизу и впрямь доносились чьи-то грубые голоса, шаги... Кто-то поднимался по лестнице, похоже – солдаты. И – от лестницы же – прошмыгнула в номер разведчиков тоненькая и ловкая фигурка в белой батистовой сорочке и серых коротких штанах – кюлотах.

Темные длинные волосы, серые глаза... на этот раз смотревшие весьма решительно, с вызовом, упорством и злостью. Да что там глаза, в руке – пистолет! Холодный ствол уткнулся в грудь гусара:

– Je vais tirer! Je te tuerais... Je la tue! (Я буду стрелять! Я убью вас... Я убью её!)

С этими словами юный гаврош направил пистолет на Сонечку... И сделал он это совершенно зря! Денис не очень-то любил, когда ему в грудь пистолетом тычут... тем более когда направляют оружие на беззащитную девушку.

Секунда – прием «загиб руки за спину» – и Дэн, обезоружив парнишку, прижал его к полу...

Хотел было еще и пристукнуть наглеца, да пожалел – мал больно! Солдат ребенка не обидит, а уж гусар – тем более. Потому Давыдов лишь усмехнулся и посмотрел на Софью:

– Сонечка, у вас ведь, кажется, есть еще одно дорожное платье?

В коридоре уже слышались шаги, голоса, ругань – французы искали преступника. Минуты через две настойчиво постучали и в «номер» «супругов»:

– Le nom de l'empereur! Ouvrir! (Именем императора! Открывайте!)

– Entrez, – пожал плечами Денис. – Входите же, господа.

Вломившиеся в номер трое солдат с унтер-офицером застыли на пороге. Еще бы! Прямо перед ними, в кадке, спиной к двери, сидела нагая девушка с мокрыми волосами. Стоявшая позади нескладная служанка с серыми глазами старательно поливала свою юную хозяйку теплой водой из кувшина.

– Vous avez quelque chose de voulu, seigneur? – «пан Корчевский» вопросительно глянул на вошедших. – Вы что-то

хотели, господа? Ну, не стесняйтесь же!

Тут же повернулась и сидевшая в кадке Сонечка. Прикрыла рукою грудь, возмущенно сверкнув глазами:

– Ой!

– Прошу извинить, мадам, – унтер-офицер поклонился, пряча улыбку в усах. По-русски он изъяснялся неплохо, наверное, не так давно служил гувернером у кого-нибудь из местных помещиков средней руки. – Вы никого здесь не видели? Никто не заходил?

– Нет, нет, никто, – хором промолвили «супруги».

– Тогда еще раз прошу извинить. Все, что надо, мы уже увидели.

Вежливо отдав честь, унтер повернулся к выходу, не забыв прихватить и своих солдат, довольно пялившихся на Софью:

– Eh bien, que vous vous êtes levés, fous? Pas vu des femmes nues? (Ну, что вы встали, олухи? Не видели голых женщин?)

С этими словами brave вояки спешно покинули помещение.

– Ой!

Проворно выскочив из кадки, Сонечка поспешно завернулась в простыню и укоризненно погрозила пальцем «служанке»:

– Ты что же воду-то льешь, черт бы тебя взял! Студеная же!

– Прошу простить... – покраснев, мальчишка смущенно

потупился. – Я... я сейчас уйду... И... благодарю вас!

– Нет, сейчас ты никуда не пойдешь, – покачал головою гусар. – Что, не видишь – облава. Попадешь, как кур в ощи́п.

– Сейчас я спокойно оденусь, – юная Сонечка одарила парнишку улыбкой. – И мы все отправимся на промена́д по городским лавкам. Там ты от нас и отстанешь. Есть куда идти?

– Есть, – хлопнув глазами, подросток закусил губу. – Пока есть... Хотя и все мои друзья погибли... почти все.

– Трактирный прислужник Василий и старик-музыкант? – помогая Софье одеться, педантично уточнил Давыдов.

– Да, Исаак, – мальчишка снова вздохнул. – Он не старик, просто седой.

– А тебя как зовут?

– Эфраим. Эфраим Белькович.

– Значит, ты – иудей! – завязывая шнурочки на ботах, ахнула Сонечка. – И старик – иудей...

– А Василий – выкрест, – Эфраим покусал губы. – Мы дружили. До войны моя семья имела лавку... Потом пришли французы... разграбили и забрали всё. Отца и братьев убили... просто пристрелили, как собак. Хорошо, матушка умерла раньше... не дожила до того дня.

– Так место твое – надежное? – спускаясь по лестнице, Денис с самым безмятежным видом кивнул портье.

– О, вполне надежное, да. Мы там бы и спрятались, отсиделись бы, пока... Пока французов бы не прогнали, – мах-

нув рукой, Эфраим едва не запутался в платье и чуть было не упал. Хорошо, Софья вовремя поддержала его под руку.

– Прошу извинить, мадам...

– Ничего, – выйдя на улицу, Денис внимательно осмотрел двор... у всех телег и колясок уже прохаживались французские солдаты.

– Мы сейчас пойдем с тобой, Эфраим, – не переставая улыбаться, тихо промолвил полковник. – Видишь ли, французы вовсе не дураки. Унтер уже опрашивает коридорного, солдаты шарят везде. Так что, о тебе скоро все выяснится, мой юный друг. Вернее – о нашей служанке... Которую по приезду никто из обслуги в глаза не видал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.